

Сказка Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц

«Маленький принц» – это сказка-притча. Эту книгу полезно прочитать как детям, так и взрослым.

Сент-Экзюпери писал эту книгу для детей, так как она поможет детям сформировать важные в жизни качества человека.

После прочтения у человека формируется благородство, любовь к жизни и природе

Маленький принц – это хрупкое существо беззащитное и честлюбивое! От его доброты отступает даже смерть, пока он сам не позовет к себе и этой ценой спасти любимое существо.

Аннотация

В одном из писем к матери Сент-Экзюпери признался: “Мне ненавистны люди, пишущие ради забавы, ищущие эффектов. Надо иметь что сказать”. Ему, романтику неба, не чуравшемуся земных радостей, любившему, по свидетельству друзей, “писать, говорить, петь, играть, докапываться до сути вещей, есть, обращать на себя внимание, ухаживать за женщинами”, человеку пронизательного ума со своими достоинствами и недостатками, но

всегда стоявшему на защите общечеловеческих ценностей, было “что сказать”. И он это сделал: написал сказку “Маленький принц”, о самом важном в этой жизни, жизни на планете Земля, все чаще такой неласковой, но любимой и единственной.

Антуан де Сент-Экзюпери

Маленький принц

Леону Верту

Прошу детей простить меня за то, что я посвятил эту книжку взрослому. Скажу в оправдание: этот взрослый – мой самый лучший друг. И еще: он понимает все на свете, даже детские книжки. И, наконец, он живет во Франции, а там сейчас голодно и холодно. И он очень нуждается в утешении. Если же все это меня не оправдывает, я посвящу эту книжку тому мальчику, каким был когда-то мой взрослый друг. Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит. Итак, я исправляю посвящение:

Леону Верту,
когда он был маленьким

I

Когда мне было шесть лет, в книге под названием «Правдивые истории», где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удивительную картинку. На картинке огромная змея – удав – глотала хищного зверя. Вот как это было нарисовано:

В книге говорилось: «Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу».

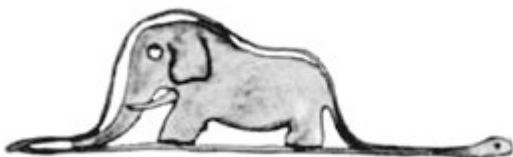
Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку. Это был мой рисунок №1. Вот что я нарисовал:

Я показал мое творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

– Разве шляпа страшная? – возразили мне.

А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им ведь всегда нужно все объяснять. Это мой рисунок №2:

Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей, арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками №1 и №2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без

конца им все объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я выучился на летчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью собьешься с пути.

На своем веку я много встречал разных серьезных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше.

Когда я встречал взрослого, который казался мне разумней и понятливей других, я показывал ему свой рисунок №1 – я его сохранил и всегда носил с собою. Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает. Но все они отвечали мне: «Это шляпа». И я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звездах. Я применялся к их понятиям. Я говорил с ними об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках. И взрослые были очень довольны, что познакомились с таким здравомыслящим человеком.

II

Так я жил в одиночестве, и не с кем было мне поговорить по душам. И вот шесть лет тому назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолета. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам все починить, хоть это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.

Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, – и тот был бы не так одинок. Вообразите же мое удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

– Пожалуйста... нарисуй мне барашка!

– А?..

– Нарисуй мне барашка...

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протер глаза. Стал осматриваться. И увидел забавного маленького человечка, который серьезно меня разглядывал. Вот самый лучший его портрет, какой мне после удалось нарисовать. Но на моем рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые убедили меня, что художник из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удавов – снаружи и изнутри.

Итак, я во все глаза смотрел на это необычайное явление. Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот малыш заблудился, или до смерти устал и напуган, или умирает от голода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать, что это ребенок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья. Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

– Но... что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьезно:

– Пожалуйста... нарисуй барашка...

Все это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться. Как ни нелепо это было здесь, в пустыне, на волосок от смерти, я все-таки достал из кармана лист бумаги и вечное перо. Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что не умею рисовать. Он ответил:

– Все равно. Нарисуй барашка.

Так как я никогда в жизни не рисовал баранов, я повторил для него одну из двух старых картинок, которые я только и умею рисовать – удава снаружи. И очень изумился, когда малыш воскликнул:

– Нет, нет! Мне не надо слона в удаве! Удав слишком опасен, а слон слишком большой. У меня дома все очень маленькое. Мне нужен барашек. Нарисуй барашка.

И я нарисовал.

Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

– Нет, этот барашек уже совсем хилый. Нарисуй другого.

Я нарисовал.

Мой новый друг мягко, снисходительно улыбнулся.

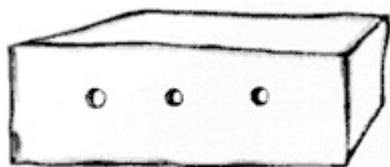
– Ты же сам видишь, – сказал он, – это не барашек. Это большой баран. У него рога...

Я опять нарисовал по-другому. Но он и от этого рисунка отказался:

– Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.

Тут я потерял терпение – ведь мне надо было поскорей разобрать мотор – и нацарапал ящик.

И сказал малышу:

– Вот тебе ящик. А в нем сидит такой барашек, какого тебе хочется.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:

– Вот это хорошо! Как ты думаешь, много этому барашку надо травы?

– А что?

– Ведь у меня дома всего очень мало...

– Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка.

– Не такой уж он маленький... – сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок. – Смотри-ка! Он уснул...

Так я познакомился с Маленьким принцем.

III

Не скоро я понял, откуда он явился. Маленький принц засыпал меня вопросами, но когда я спрашивал о чем-нибудь, он словно и не слышал. Лишь понемногу, из случайных, мимоходом оброненных слов мне все открылось. Так, когда он впервые увидел мой самолет (самолет я рисовать не стану, мне все равно не справиться), он спросил:

– Что это за штука?

– Это не штука. Это самолет. Мой самолет. Он летает.

И я с гордостью объяснил ему, что умею летать. Тогда он воскликнул:

– Как! Ты упал с неба?

– Да, – скромно ответил я.

– Вот забавно!..

И Маленький принц звонко засмеялся, так что меня взяла досада:

я люблю, чтобы к моим злоключениям относились серьезно. Потом он прибавил:

– Значит, ты тоже явился с неба. А с какой планеты?

«Так вот разгадка его таинственного появления здесь, в пустыне!» – подумал я и спросил напрямик:

– Стало быть, ты попал сюда с другой планеты?

Но он не ответил. Он тихо покачал головой, разглядывая мой самолет:

– Ну, на этом ты не мог прилететь издалека...

И надолго задумался о чем-то. Потом вынул из кармана моего барашка и погрузился в созерцание этого сокровища.

Можете себе представить, как разгорелось мое любопытство от этого полупризнания о «других планетах». И я попытался разузнать побольше:

– Откуда же ты прилетел, малыш? Где твой дом? Куда ты хочешь унести моего барашка?

Он помолчал в раздумье, потом сказал:

– Очень хорошо, что ты дал мне ящик: барашек будет там спать по ночам.

– Ну конечно. И если ты будешь умницей, я дам тебе веревку, чтобы днем его привязывать. И колышек.

Маленький принц нахмурился:

– Привязывать? Для чего это?

– Но ведь если ты его не привяжешь, он забредет неведомо куда и потеряется.

Тут мой друг опять весело рассмеялся:

– Да куда же он пойдет?

– Мало ли куда? Все прямо, прямо, куда глаза глядят.

Тогда Маленький принц сказал серьезно:

– Это не страшно, ведь у меня там очень мало места.

И прибавил не без грусти:

– Если идти все прямо да прямо, далеко не уйдешь...

IV

Так я сделал еще одно важное открытие: его родная планета вся-то величиной с дом!

Впрочем, это меня не слишком удивило. Я знал, что, кроме таких больших планет, как Земля, Юпитер, Марс, Венера, существуют еще сотни других и среди них такие маленькие, что их даже в телескоп трудно разглядеть. Когда астроном открывает такую планетку, он дает ей не имя, а просто номер. Например: астероид 3251.

У меня есть серьезные основания полагать, что Маленький принц прилетел с планетки, которая называется «астероид В-612». Этот астероид был замечен в телескоп лишь один раз, в 1909 году, одним турецким астрономом.

Астроном доложил тогда о своем замечательном открытии на Международном астрономическом конгрессе. Но никто ему не поверил, а все потому, что он был одет по-турецки. Уж такой народ эти взрослые!

К счастью для репутации астероида В-612, турецкий султан велел своим подданным под страхом смерти носить европейское платье. В 1920 году тот астроном снова доложил о своем открытии. На этот раз он был одет по последней моде, – и все с ним согласились.

Я вам рассказал так подробно об астероиде В-612 и даже сообщил его номер только из-за взрослых. Взрослые очень любят цифры. Когда рассказываешь им, что у тебя появился новый друг, они никогда не спросят о самом главном. Никогда они не скажут: «А какой у него голос? В какие игры он любит играть? Ловит ли он бабочек?» Они спрашивают: «Сколько ему лет? Сколько у него братьев? Сколько он весит? Сколько зарабатывает его отец?» И после этого воображают, что узнали человека. Когда говоришь взрослым: «Я видел красивый дом из розового кирпича, в окнах у него герань, а на крыше голуби», – они никак не могут представить себе этот дом. Им надо сказать: «Я видел дом за сто тысяч франков», – и тогда они восклицают: «Какая красота!»

Точно так же, если им сказать: «Вот доказательства, что Маленький принц на самом деле существовал: он был очень, очень славный, он смеялся, и ему хотелось иметь барашка. А кто хочет барашка, тот, безусловно, существует», – если им сказать так, они только пожмут плечами и посмотрят на тебя, как на несмышленного младенца. Но если сказать им: «Он прилетел с планеты, которая называется астероид В-612», – это их убедит, и они не станут докучать вам расспросами. Уж такой народ эти взрослые. Не стоит на них сердиться. Дети должны быть очень снисходительны к взрослым.

Но мы, те, кто понимает, что такое жизнь, мы, конечно, смеемся над номерами и цифрами! Я охотно начал бы эту повесть как волшебную сказку. Я хотел бы начать так:

«Жил да был Маленький принц. Он жил на планете, которая была

чуть побольше его самого, и ему очень не хватало друга...». Те, кто понимает, что такое жизнь, сразу бы увидели, что все это чистая правда.

Ибо я совсем не хочу, чтобы мою книжку читали просто ради забавы. Сердце мое больно сжимается, когда я вспоминаю моего маленького друга, и нелегко мне о нем говорить. Прошло уже шесть лет с тех пор, как он вместе со своим барашком покинул меня. И я пытаюсь рассказать о нем для того, чтобы его не забыть. Это очень печально, когда забывают друзей. Не у всякого есть друг. И я боюсь стать таким, как взрослые, которым ничто не интересно, кроме цифр. Вот еще и поэтому я купил ящик с красками и цветные карандаши. Не так это просто – в моем возрасте вновь приниматься за рисование, если за всю свою жизнь только и нарисовал что удава снаружи и изнутри, да и то в шесть лет! Конечно, я постараюсь передать сходство как можно лучше. Но я совсем не уверен, что у меня это получится. Один портрет выходит удачно, а другой ни капли не похож. Вот и с ростом тоже: на одном рисунке принц у меня вышел чересчур большой, на другом – чересчур маленький. И я плохо помню, какого цвета была его одежда. Я пробую рисовать и так и эдак, наугад, с грехом пополам. Наконец, я могу ошибиться и в каких-то важных подробностях. Но вы уж не взыщите. Мой друг никогда мне ничего не объяснял. Может быть, он думал, что я такой же, как он. Но я, к сожалению, не умею увидеть барашка сквозь стенки ящика. Может быть, я немного похож на взрослых. Наверно, я старею.

V

Каждый день я узнавал что-нибудь новое о его планете, о том, как он ее покинул и как странствовал. Он рассказывал об этом понемножку, когда приходилось к слову. Так, на третий день я узнал о трагедии с баобабами.

Это тоже вышло из-за барашка. Казалось, Маленьким принцем вдруг овладели тяжкие сомнения, и он спросил:

– Скажи, ведь правда, барашки едят кусты?

– Да, правда.

– Вот хорошо!

Я не понял, почему это так важно, что барашки едят кусты. Но Маленький принц прибавил:

– Значит, они и баобабы тоже едят?

Я возразил, что баобабы – не кусты, а огромные деревья, вышиной с колокольню, и, если даже он приведет целое стадо слонов, им не съесть и одного баобаба.

Услышав про слонов, Маленький принц засмеялся:

– Их пришлось бы поставить друг на друга...

А потом сказал рассудительно:

– Баобабы сперва, пока не вырастут, бывают совсем маленькие.

– Это верно. Но зачем твоему барашку есть маленькие баобабы?

– А как же! – воскликнул он, словно речь шла о самых простых, азбучных истинах.

И пришлось мне поломать голову, пока я додумался, в чем тут

дело.

На планете Маленького принца, как на любой другой планете, растут травы полезные и вредные. А значит, есть там хорошие семена хороших, полезных трав и вредные семена дурной, сорной травы. Но ведь семена невидимы. Они спят глубоко под землей, пока одно из них не вздумает проснуться. Тогда оно пускает росток; он расправляется и тянется к солнцу, сперва такой милый и безобидный. Если это будущий редис или розовый куст, пусть его растет на здоровье. Но если это какая-нибудь дурная трава, надо вырвать ее с корнем, как только ее узнаешь. И вот на планете Маленького принца есть ужасные, зловредные семена... это семена баобабов. Почва планеты вся заражена ими. А если баобаб не распознать вовремя, потом от него уже не избавишься. Он завладеет всей планетой. Он пронизет ее насквозь своими корнями. И если планета очень маленькая, а баобабов много, они разорвут ее на клочки.

– Есть такое твердое правило, – сказал мне позднее Маленький принц. – Встал поутру, умылся, привел себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету. Непременно надо каждый день выпалывать баобабы, как только их уже можно отличить от розовых кустов: молодые ростки у них почти одинаковые. Это очень скучная работа, но совсем не трудная.

Однажды он посоветовал мне постараться и нарисовать такую картинку, чтобы и у нас дети это хорошо поняли.

– Если им когда-нибудь придется путешествовать, – сказал он, – это им пригодится. Иная работа может и подождать немного, вреда не будет. Но если дашь волю баобабам, беды не миновать. Я знал одну планету, на ней жил лентяй. Он не выполол вовремя три кустика...

Маленький принц подробно мне все описал, и я нарисовал эту планету. Я терпеть не могу читать людям нравоучения. Но мало кто знает, чем грозят баобабы, а опасность, которой подвергается всякий, кто попадет на астероид, очень велика – вот почему на сей раз я решаюсь изменить своей обычной сдержанности. «Дети! – говорю я. – Берегитесь баобабов!» Я хочу предупредить моих друзей об опасности, которая давно уже их подстерегает, а они даже не подозревают о ней, как не подозревал прежде и я. Вот почему я так трудился над этим рисунком, и мне не жаль потраченного труда. Быть может, вы спросите: отчего в этой книжке нет больше таких внушительных рисунков, как этот, с баобабамми? Ответ очень прост: я старался, но у меня ничего не вышло. А когда я рисовал баобабы, меня вдохновляло сознание, что это страшно важно и неотложно.

VI

О Маленький принц! Понемногу я понял также, как печальна и однообразна была твоя жизнь. Долгое время у тебя было лишь одно развлечение: ты любовался закатом. Я узнал об этом наутро четвертого дня, когда ты сказал:

– Я очень люблю закат. Пойдем посмотрим, как заходит солнце.

– Ну, придется подождать.

– Чего ждать?

– Чтобы солнце зашло.

Сначала ты очень удивился, а потом засмеялся над собою и сказал:

– Мне все кажется, что я у себя дома!

И в самом деле. Все знают, что, когда в Америке полдень, во Франции солнце уже заходит. И если бы за одну минуту перенестись во Францию, можно было бы полюбоваться закатом. К несчастью, до Франции очень, очень далеко. А на твоей планете тебе довольно было передвинуть стул на несколько шагов. И ты снова и снова смотрел на закатное небо, стоило только захотеть...

– Однажды я за один день видел заход солнца сорок три раза!

И немного погодя ты прибавил:

– Знаешь... когда станет очень грустно, хорошо поглядеть, как заходит солнце...

– Значит, в тот день, когда ты видел сорок три заката, тебе было очень грустно?

Но Маленький принц не ответил.

VII

На пятый день, опять-таки благодаря барашку, я узнал секрет Маленького принца. Он спросил неожиданно, без предисловий, точно пришел к этому выводу после долгих молчаливых раздумий:

– Если барашек ест кусты, он и цветы ест?

– Он ест все, что попадетсЯ.

– Даже такие цветы, у которых шипы?

– Да, и те, у которых шипы.

– Тогда зачем шипы?

Этого я не знал. Я был очень занят: в моторе заел один болт, и я старался его отвернуть. Мне было не по себе, положение становилось серьезным, воды почти не осталось, и я начал бояться, что моя вынужденная посадка плохо кончится.

– Зачем нужны шипы?

Задав какой-нибудь вопрос, Маленький принц никогда не отступался, пока не получал ответа. Неподатливый болт выводил меня из терпенья, и я ответил наобум:

– Шипы ни зачем не нужны, цветы выпускают их просто от злости.

– Вот как!

Наступило молчание. Потом он сказал почти сердито:

– Не верю я тебе! Цветы слабые. И простодушные. И они стараются придать себе храбрости. Они думают – если у них шипы, их все боятся...

Я не ответил. В ту минуту я говорил себе: «Если этот болт и сейчас не поддастся, я так стукну по нему молотком, что он разлетится вдребезги». Маленький принц снова перебил мои мысли:

– А ты думаешь, что цветы...

– Да нет же! Ничего я не думаю! Я ответил тебе первое, что пришло в голову. Ты видишь, я занят серьезным делом.

Он посмотрел на меня в изумлении:

– Серьезным делом?!

Он все смотрел на меня: перепачканный смазочным маслом, с молотком в руках, я наклонился над непонятным предметом, который казался ему таким уродливым.

– Ты говоришь, как взрослые! – сказал он.

Мне стало совестно. А он беспощадно прибавил:

– Все ты путаешь... ничего не понимаешь!

Да, он не на шутку рассердился. Он тряхнул головой, и ветер растрепал его золотые волосы.

– Я знаю одну планету, там живет такой господин с багровым лицом. Он за всю свою жизнь ни разу не понюхал цветка. Ни разу не поглядел на звезду. Он никогда никого не любил. И никогда ничего не делал. Он занят только одним: он складывает цифры. И с утра до ночи твердит одно: «Я человек серьезный! Я человек серьезный!» – совсем как ты. И прямо раздувается от гордости. А на самом деле он не человек. Он гриб.

– Что?

– Гриб!

Маленький принц даже побледнел от гнева.

– Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки все-таки едят цветы. Так неужели же это не серьезное дело – понять, почему они изо всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку? Неужели это не важно, что барашки и цветы воют друг с другом? Да разве это не серьезнее и не важнее, чем арифметика толстого господина с багровым лицом? А если я знаю единственный в мире цветок, он растет только на моей планете, и другого такого больше нигде нет, а маленький барашек в одно прекрасное утро вдруг возьмет и съест его и даже не будет знать, что он натворил? И это все, по-твоему, не важно?

Он сильно покраснел. Потом снова заговорил:

– Если любишь цветок – единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звезд, этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь себе: «Где-то там живет мой цветок...» Но если барашек его съест, это все равно, как если бы все звезды разом погасли! И это, по-твоему,

не важно!

Он больше не мог говорить. Он вдруг разрыдался. Стемнело. Я бросил работу. Мне смешны были злополучный болт и молоток, жажда и смерть. На звезде, на планете – на моей планете, по имени Земля – плакал Маленький принц, и надо было его утешить. Я взял его на руки и стал баюкать. Я говорил ему: «Цветку, который ты любишь, ничто не грозит... Я нарисую твоему барашку намордник... Нарисую для твоего цветка броню... Я...» Я плохо понимал, что говорил. Я чувствовал себя ужасно неловким и неуклюжим. Я не знал, как позвать, чтобы он услышал, как догнать его душу, ускользающую от меня... Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слез.

VIII

Очень скоро я лучше узнал этот цветок. На планете Маленького принца всегда росли простые, скромные цветы – у них было мало лепестков, они занимали совсем мало места и никого не беспокоили. Они раскрывались поутру в траве и под вечер увядали. А этот пророс однажды из зерна, занесенного неведомо откуда, и Маленький принц не сводил глаз с крохотного ростка, не похожего на все остальные ростки и былинки. Вдруг это какая-нибудь новая разновидность баобаба? Но кустик быстро перестал тянуться ввысь, и на нем появился бутон. Маленький принц никогда еще не видал таких огромных бутонов и предчувствовал, что увидит чудо. А неведомая гостья, еще скрытая в стенах своей зеленой комнатки, все готовилась, все прихорашивалась. Она заботливо подбирала краски. Она наряжалась неторопливо, один за другим примеряя лепестки. Она не желала явиться на свет востропанной, точно какой-нибудь мак. Она хотела показаться во всем блеске своей красоты. Да, это была ужасная кокетка! Таинственные приготовления длились день за днем. И вот наконец, однажды утром, едва взошло солнце, лепестки раскрылись.

И красавица, которая столько трудов положила, готовясь к этой минуте, сказала, позевывая:

– Ах, я насилу проснулась... Прошу извинить... Я еще совсем растрепанная...

Маленький принц не мог сдержать восторга:

– Как вы прекрасны!

– Да, правда? – был тихий ответ. – И заметьте, я родилась вместе с солнцем.

Маленький принц, конечно, догадался, что удивительная гостья не страдает избытком скромности, зато она была так прекрасна, что дух захватывало!

А она вскоре заметила:

– Кажется, пора завтракать. Будьте так добры, позаботьтесь обо мне...

Маленький принц очень смутился, разыскал лейку и полил цветок ключевой водой.

Скоро оказалось, что красавица горда и обидчива, и Маленький принц совсем с нею измучился. У нее было четыре шипа, и однажды она сказала ему:

– Пусть приходят тигры, не боюсь я их когтей!

– На моей планете тигры не водятся, – возразил Маленький принц. – И потом, тигры не едят траву.

– Я не трава, – обиженно заметил цветок.

– Простите меня...

– Нет, тигры мне не страшны, но я ужасно боюсь сквозняков. У вас нет ширмы?

«Растение, а боится сквозняков... очень странно... – подумал Маленький принц. – Какой трудный характер у этого цветка».

– Когда настанет вечер, накройте меня колпаком. У вас тут

слишком холодно. Очень неудобная планета. Там, откуда я прибыла...

Она не договорила. Ведь ее занесло сюда, когда она была еще зернышком. Она ничего не могла знать о других мирах. Глупо лгать, когда тебя так легко уличить! Красавица смутилась, потом кашлянула раз-другой, чтобы Маленький принц почувствовал, как он перед нею виноват:

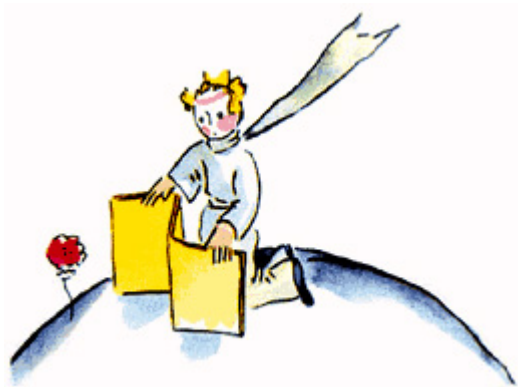
– Где же ширма?

– Я хотел пойти за ней, но не мог же я вас не дослушать!

Тогда она закашляла сильнее: пускай его все-таки помучит совесть!

Хотя Маленький принц и полюбил прекрасный цветок и рад был ему служить, но вскоре в душе его пробудились сомнения. Пустые слова он принимал близко к сердцу и стал чувствовать себя очень несчастным.

– Напрасно я ее слушал, – доверчиво сказал он мне однажды. – Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом. Мой цветок напоил благоуханием всю мою планету, а я не умел ему радоваться. Эти разговоры о когтях и тиграх... Они должны бы меня растрогать, а я разозлился...

И еще он признался:

– Ничего я тогда не понимал! Надо было судить не по словам, а

по делам. Она дарила мне свой аромат, озаряла мою жизнь. Я не должен был бежать. За этими жалкими хитростями и уловками я должен был угадать нежность. Цветы так непоследовательны! Но я был слишком молод, я еще не умел любить.

IX

Как я понял, он решил странствовать с перелетными птицами. В последнее утро он старательней обычного прибрал свою планету. Он заботливо прочистил действующие вулканы. У него было два действующих вулкана. На них очень удобно по утрам разогревать завтрак. Кроме того, у него был еще один потухший вулкан. Но, сказал он, мало ли что может случиться! Поэтому он прочистил и потухший вулкан тоже. Когда вулканы аккуратно чистишь, они горят ровно и тихо, без всяких извержений. Извержение вулкана – это все равно что пожар в печной трубе, когда там загорится сажа. Конечно, мы, люди на земле, слишком малы и не можем прочищать наши вулканы. Вот почему они доставляют нам столько неприятностей.

Не без грусти Маленький принц вырвал также последние ростки баобабов. Он думал, что никогда не вернется. Но в это утро привычная работа доставляла ему необыкновенное удовольствие. А когда он в последний раз полил и собрался накрыть колпаком чудесный цветок, ему даже захотелось плакать.

– Прощайте, – сказал он.

Красавица не ответила.

– Прощайте, – повторил Маленький принц.

Она кашлянула. Но не от простуды.

– Я была глупая, – сказала она наконец. – Прости меня. И постарайся быть счастливым.

И ни слова упрека. Маленький принц был очень удивлен. Он застыл, смущенный и растерянный, со стеклянным колпаком в руках. Откуда эта тихая нежность?

– Да, да, я люблю тебя, – услышал он. – Моя вина, что ты этого не знал. Да это и не важно. Но ты был такой же глупый, как и я. Постарайся быть счастливым... Оставь колпак, он мне больше не нужен.

– Но ветер...

– Не так уж я простужена... Ночная свежесть пойдет мне на пользу. Ведь я – цветок.

– Но звери, насекомые...

– Должна же я стерпеть двух-трех гусениц, если хочу познакомиться с бабочками. Они, должно быть, прелестны. А то кто же станет меня навещать? Ты ведь будешь далеко. А больших зверей я не боюсь. У меня тоже есть когти.

И она в простоте душевной показала свои четыре шипа. Потом прибавила:

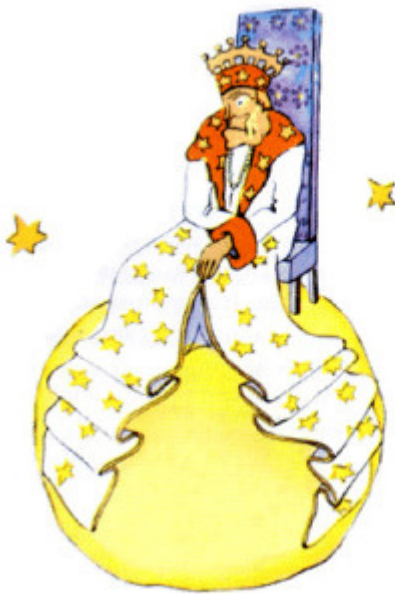
– Да не тяни же, это невыносимо! Решил уйти – так уходи.

Она не хотела, чтобы Маленький принц видел, как она плачет. Это был очень гордый цветок...

X

Ближе всего к планете Маленького принца были астероиды 325, 326, 327, 328, 329 и 330. Вот он и решил для начала посетить их: надо же найти себе занятие, да и поучиться чему-нибудь.

На первом астероиде жил король. Облаченный в пурпур и горноста́й, он восседал на троне – очень простом и все же величественном.

– А, вот и подданный! – воскликнул король, увидав Маленького принца.

«Как же он меня узнал? – подумал Маленький принц. – Ведь он видит меня в первый раз!»

Он не знал, что короли смотрят на мир очень упрощенно: для них все люди – подданные.

– Подойди, я хочу тебя рассмотреть, – сказал король, ужасно гордый тем, что он может быть для кого-то королем.

Маленький принц оглянулся – нельзя ли где-нибудь сесть, но великолепная горностаевая мантия покрывала всю планету. Пришлось стоять, а он так устал... и вдруг он зевнул.

– Этикет не разрешает зевать в присутствии монарха, – сказал король. – Я запрещаю тебе зевать.

– Я нечаянно, – ответил Маленький принц, очень смущенный. – Я долго был в пути и совсем не спал...

– Ну, тогда я повелеваю тебе зевать, – сказал король. – Многие годы я не видел, чтобы кто-нибудь зевал. Мне это даже любопытно. Итак, зевай! Таков мой приказ.

– Но я робею... я больше не могу... – вымолвил Маленький принц и

весь покраснел.

– Гм, гм... Тогда... Тогда я повелеваю тебе то зевать, то...

Король запутался и, кажется, даже немного рассердился.

Ведь для короля самое важное – чтобы ему повиновались беспрекословно. Непокорства он бы не потерпел. Это был абсолютный монарх. Но он был очень добр, а потому отдавал только разумные приказания.

«Если я повелю своему генералу обернуться морской чайкой, – говаривал он, – и если генерал не выполнит приказа, это будет не его вина, а моя».

– Можно мне сесть? – робко спросил Маленький принц.

– Повелеваю: сядь! – отвечал король и величественно подобрал одну полу своей горностаевой мантии.

Но Маленький принц недоумевал. Планетка такая крохотная. Чем же правит этот король?

– Ваше величество, – начал он, – могу ли я вас спросить...

– Повелеваю: спрашивай! – поспешно сказал король.

– Ваше величество... чем вы правите?

– Всем, – просто ответил король.

– Всем?

Король повел рукою, скромно указывая на свою планету, а также и на другие планеты, и на звезды.

– И всем этим вы правите? – переспросил Маленький принц.

– Да, – отвечал король.

Ибо он был поистине полновластный монарх и не знал никаких пределов и ограничений.

– И звезды вам повинуются? – спросил Маленький принц.

– Ну конечно, – отвечал король. – Звезды повинуются мгновенно. Я не терплю непослушания.

Маленький принц был восхищен. Вот бы ему такое могущество! Он бы тогда любовался закатом солнца не сорок четыре раза в день, а семьдесят два, а то и сто, и двести раз, и при этом ему даже не приходилось бы передвигать стул с места на место! Тут он снова загрустил, вспоминая свою покинутую планету, и набравшись храбрости, попросил короля:

– Мне хотелось бы поглядеть на заход солнца... Пожалуйста, сделайте милость, повелите солнцу закатиться...

– Если я прикажу какому-нибудь генералу порхать бабочкой с цветка на цветок, или сочинить трагедию, или обернуться морской чайкой и генерал не выполнит приказа, кто будет в этом виноват – он или я?

– Вы, ваше величество, – ни минуты не колеблясь, ответил Маленький принц.

– Совершенно верно, – подтвердил король. – С каждого надо спрашивать то, что он может дать. Власть прежде всего должна быть разумной. Если ты повелишь своему народу броситься в море, он устроит революцию. Я имею право требовать послушания, потому что веления мои разумны.

– А как же заход солнца? – напомнил Маленький принц: раз о чем-нибудь спросив, он уже не отступался, пока не получал ответа.

– Будет тебе и заход солнца. Я потребую, чтобы солнце зашло. Но сперва дождусь благоприятных условий, ибо в этом и состоит мудрость правителя.

– А когда условия будут благоприятные? – осведомился Маленький принц.

– Гм, гм, – ответил король, листая толстый календарь. – Это будет... Гм, гм... Сегодня это будет в семь часов сорок минут вечера. И тогда ты увидишь, как точно исполнится мое повеление.

Маленький принц зевнул. Жаль, что тут не поглядишь на заход солнца, когда хочется! И, по правде говоря, ему стало скучновато.

– Мне пора, – сказал он королю. – Больше мне здесь нечего делать.

– Остайся! – сказал король: он был очень горд тем, что у него нашелся подданный, и не хотел с ним расставаться. – Остайся, я назначу тебя министром.

– Министром чего?

– Ну... юстиции.

– Но ведь здесь некого судить!

– Как знать, – возразил король. – Я еще не осмотрел всего моего королевства. Я очень стар, для кареты у меня нет места, а ходить пешком так утомительно...

Маленький принц наклонился и еще раз заглянул на другую сторону планеты.

– Но я уже смотрел! – воскликнул он. – Там тоже никого нет.

– Тогда суди сам себя, – сказал король. – Это самое трудное. Себя судить куда трудней, чем других. Если ты сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине мудр.

– Сам себя я могу судить где угодно, – сказал Маленький принц. – Для этого мне незачем оставаться у вас.

– Гм, гм... – сказал король. – Мне кажется, где-то на моей планете живет старая крыса. Я слышу, как она скребется по ночам. Ты мог бы судить эту старую крысу. Время от времени

приговаривай ее к смертной казни. От тебя будет зависеть ее жизнь. Но потом каждый раз надо будет ее помиловать. Надо беречь старую крысу, она ведь у нас одна.

– Не люблю я выносить смертные приговоры, – сказал Маленький принц. – И вообще мне пора.

– Нет, не пора, – возразил король.

Маленький принц уже совсем собрался в дорогу, но ему не хотелось огорчать старого монарха.

– Если вашему величеству угодно, чтобы ваши повеления беспрекословно исполнялись, – сказал он, – вы могли бы отдать благоразумное приказание. Например, повелите мне пуститься в путь, не мешкая ни минуты... Мне кажется, условия для этого самые что ни на есть благоприятные.

Король не отвечал, и Маленький принц немного помедлил в нерешимости, потом вздохнул и отправился в путь.

– Назначаю тебя послом! – поспешно крикнул вдогонку ему король.

И вид у него при этом был такой, точно он не потерпел бы никаких возражений.

«Странный народ эти взрослые», – сказал себе Маленький принц, продолжая путь.

XI

На второй планете жил честолюбец.

– О, вот и почитатель явился! – воскликнул он, еще издали завидев Маленького принца.

Ведь тщеславным людям кажется, что все ими восхищаются.

– Добрый день, – сказал Маленький принц. – Какая у вас забавная шляпа.

– Это чтобы раскланиваться, – объяснил честолюбец. – Чтобы раскланиваться, когда меня приветствуют. К несчастью, сюда никто не заглядывает.

– Вот как? – промолвил Маленький принц: он ничего не понял.

– Похлопай-ка в ладоши, – сказал ему честолюбец.

Маленький принц захлопал в ладоши. Честолюбец снял шляпу и скромно раскланялся.

«Здесь веселее, чем у старого короля», – подумал Маленький принц. И опять стал хлопать в ладоши. А честолюбец опять стал раскланиваться, снимая шляпу.

Так минут пять подряд повторялось одно и то же, и Маленькому принцу это наскучило.

– А что надо сделать, чтобы шляпа упала? – спросил он.

Но честолюбец не слышал. Тщеславные люди глухи ко всему, кроме похвал.

– Ты и в самом деле мой восторженный почитатель? – спросил он Маленького принца.

– А как это – почитать?

– Почитать значит признавать, что на этой планете я всех красивее, всех наряднее, всех богаче и всех умней.

– Да ведь на твоей планете больше и нет никого!

– Ну, доставь мне удовольствие, все равно восхищайся мною!

– Я восхищаюсь, – сказал Маленький принц, слегка пожал плечами, – но что тебе от этого за радость?

И он сбежал от честолюбца.

«Право же, взрослые – очень странные люди», – простодушно подумал он, пускаясь в путь.

XII

На следующей планете жил пьяница. Маленький принц пробыл у него совсем недолго, но стало ему после этого очень невесело.

Когда он явился на эту планету, пьяница молча сидел и смотрел на выстроившиеся перед ним полчища бутылок – пустых и полных.

- Что это ты делаешь? – спросил Маленький принц.
 - Пью, – мрачно ответил пьяница.
 - Зачем?
 - Чтобы забыть.
 - О чем забыть? – спросил Маленький принц; ему стало жаль пьяницу.
 - Хочу забыть, что мне совестно, – признался пьяница и повесил голову.
 - Отчего же тебе совестно? – спросил Маленький принц, ему очень хотелось помочь бедняге.
 - Совестно пить! – объяснил пьяница, и больше от него нельзя было добиться ни слова.
- И Маленький принц отправился дальше, растерянный и недоумевающий.
- «Да, право же, взрослые очень, очень странный народ», – думал он, продолжая путь.

XIII

Четвертая планета принадлежала деловому человеку. Он был так занят, что при появлении Маленького принца даже головы не поднял.

- Добрый день, – сказал ему Маленький принц. – Ваша папироса погасла.
- Три да два – пять. Пять да семь – двенадцать. Двенадцать да три – пятнадцать. Добрый день. Пятнадцать да семь – двадцать два. Двадцать два да шесть – двадцать восемь. Некогда спичкой чиркнуть. Двадцать шесть да пять – тридцать один. Уф! Итого, стало быть, пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи

семьсот тридцать один.

– Пятьсот миллионов чего?

– А? Ты еще здесь? Пятьсот миллионов... Уж не знаю, чего... У меня столько работы! Я человек серьезный, мне не до болтовни! Два да пять – семь...

– Пятьсот миллионов чего? – повторил Маленький принц: спросив о чем-нибудь, он не успокаивался, пока не получал ответа.

Деловой человек поднял голову.

– Уже пятьдесят четыре года я живу на этой планете, и за все время мне мешали только три раза. В первый раз, двадцать два года тому назад, ко мне откуда-то залетел майский жук. Он поднял ужасный шум, и я тогда сделал четыре ошибки в сложении. Во второй раз, одиннадцать лет тому назад, у меня был приступ ревматизма. От сидячего образа жизни. Мне разгуливать некогда. Я человек серьезный. Третий раз... вот он! Итак, стало быть, пятьсот миллионов...

– Миллионов чего?

Деловой человек понял, что надо ответить, а то не будет ему покоя.

– Пятьсот миллионов этих маленьких штучек, которые иногда видны в воздухе.

- Это что же, мухи?
- Да нет же, такие маленькие, блестящие.
- Пчелы?
- Да нет же. Такие маленькие, золотые, всякий лентяй как посмотрит на них, так и размечтается. А я человек серьезный. Мне мечтать некогда.
- А, звезды?
- Вот-вот. Звезды.
- Пятьсот миллионов звезд? Что же ты с ними делаешь?
- Пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать одна. Я человек серьезный, я люблю точность.
- Так что же ты делаешь со всеми этими звездами?
- Что делаю?
- Да.
- Ничего не делаю. Я ими владею.
- Владеешь звездами?
- Да.
- Но я уже видел короля, который...
- Короли ничем не владеют. Они только правят. Это совсем другое дело.
- А для чего тебе владеть звездами?
- Чтоб быть богатым.
- А для чего быть богатым?
- Чтобы покупать еще новые звезды, если их кто-нибудь откроет.

«Он рассуждает почти как пьяница», – подумал Маленький принц.

И стал спрашивать дальше:

– А как можно владеть звездами?

– Звезды чьи? – ворчливо спросил делец.

– Не знаю. Ничьи.

– Значит, мои, потому что я первый до этого додумался.

– И этого довольно?

– Ну конечно. Если ты найдешь алмаз, у которого нет хозяина, – значит, он твой. Если ты найдешь остров, у которого нет хозяина, он твой. Если тебе первому придет в голову какая-нибудь идея, ты берешь на нее патент: она твоя. Я владею звездами, потому что до меня никто не догадался ими завладеть.

– Вот это верно, – сказал Маленький принц. – И что же ты с ними делаешь?

– Распоряжаюсь ими, – ответил делец. – Считаю их и пересчитываю. Это очень трудно. Но я человек серьезный.

Однако Маленькому принцу этого было мало.

– Если у меня есть шелковый платок, я могу повязать его вокруг шеи и унести с собой, – сказал он. – Если у меня есть цветок, я могу его сорвать и унести с собой. А ты ведь не можешь забрать звезды!

– Нет, но я могу положить их в банк.

– Как это?

– А так: пишу на бумажке, сколько у меня звезд. Потом кладу эту бумажку в ящик и запираю его на ключ.

– И все?

– Этого довольно.

«Забавно! – подумал Маленький принц. – И даже поэтично. Но не так уж это серьезно».

Что серьезно, а что не серьезно, – это Маленький принц понимал по-своему, совсем не так, как взрослые.

– У меня есть цветок, – сказал он, – и я каждое утро его поливаю. У меня есть три вулкана, я каждую неделю их прочищаю. Все три прочищаю, и потухший тоже. Мало ли что может случиться. И моим вулканам, и моему цветку полезно, что я ими владею. А звездам от тебя нет никакой пользы...

Деловой человек открыл было рот, но так и не нашелся что ответить, и Маленький принц отправился дальше.

«Нет, взрослые и правда поразительный народ», – простодушно говорил он себе, продолжая путь.

XIV

Пятая планета была очень занятная. Она оказалась меньше всех. На ней только и помещалось что фонарь да фонарщик. Маленький принц никак не мог понять, для чего на крохотной, затерявшейся в небе планетке, где нет ни домов, ни жителей, нужны фонарь и фонарщик. Но он подумал:

«Может быть, этот человек и нелеп. Но он не так нелеп, как король, честолюбец, делец и пьяница. В его работе все-таки есть смысл. Когда он зажигает свой фонарь – как будто рождается еще одна звезда или цветок. А когда он гасит фонарь – как будто звезда или цветок засыпают. Прекрасное занятие. Это по-настоящему полезно, потому что красиво».

И, поравнявшись с этой планеткой, он почтительно поклонился фонарщику.

– Добрый день, – сказал он. – Почему ты сейчас погасил фонарь?

– Такой уговор, – ответил фонарщик. – Добрый день.

– А что это за уговор?

– Гасить фонарь. Добрый вечер.

И он снова засветил фонарь.

– Зачем же ты опять его зажег?

– Такой уговор, – повторил фонарщик.

– Не понимаю, – признался Маленький принц.

– И понимать нечего, – сказал фонарщик, – уговор есть уговор. Добрый день.

И погасил фонарь.

Потом красным клетчатым платком утер пот со лба и сказал:

– Тяжкое у меня ремесло. Когда-то это имело смысл. Я гасил фонарь по утрам, а вечером опять зажигал. У меня оставался

день, чтобы отдохнуть, и ночь, что бы выспаться...

– А потом уговор переменялся?

– Уговор не менялся, – сказал фонарщик. – В том-то и беда! Моя планета год от году вращается все быстрее, а уговор остается прежний.

– И как же теперь? – спросил Маленький принц.

– Да вот так. Планета делает полный оборот за одну минуту, и у меня нет ни секунды передышки. Каждую минуту я гашу фонарь и опять его зажигаю.

– Вот забавно! Значит, у тебя день длится всего одну минуту!

– Ничего тут нет забавного, – возразил фонарщик. – Мы с тобой разговариваем уже целый месяц.

– Целый месяц?!

– Ну да. Тридцать минут. Тридцать дней. Добрый вечер!

И он опять засветил фонарь.

Маленький принц смотрел на фонарщика, и ему все больше нравился этот человек, который был так верен своему слову. Маленький принц вспомнил, как он когда-то переставлял стул с места на место, чтобы лишний раз поглядеть на закат солнца. И ему захотелось помочь другу.

– Послушай, – сказал он фонарщику, – я знаю средство: ты можешь отдыхать, когда только захочешь...

– Мне все время хочется отдыхать, – сказал фонарщик.

Ведь можно быть верным слову и все-таки ленивым.

– Твоя планетка такая крохотная, – продолжал Маленький принц, – ты можешь обойти ее в три шага. И просто нужно идти с такой скоростью, чтобы все время оставаться на солнце. Когда

захочется отдохнуть, ты просто все иди, иди... И день будет тянуться столько времени, сколько ты пожелаешь.

– Ну, от этого мне мало толку, – сказал фонарщик. – Больше всего на свете я люблю спать.

– Тогда плохо твое дело, – посочувствовал Маленький принц.

– Плохо мое дело, – подтвердил фонарщик. – Добрый день.

И погасил фонарь.

«Вот человек, – сказал себе Маленький принц, продолжая путь, – вот человек, которого все стали бы презирать – и король, и честолюбец, и пьяница, и делец. А между тем из них всех он один, по-моему, не смешон. Может быть, потому, что он думает не только о себе».

Маленький принц вздохнул.

«Вот бы с кем подружиться, – подумал он еще. – Но его планетка уж очень крохотная. Там нет места для двоих...»

Он не смел себе признаться в том, что больше всего жалеет об этой чудесной планетке еще по одной причине: за двадцать четыре часа на ней можно любоваться закатом тысячу четыреста сорок раз!

XV

Шестая планета была в десять раз больше предыдущей. На ней жил старик, который писал толстые книги.

– Смотрите-ка! Вот прибыл путешественник! – воскликнул он, заметив Маленького принца.

Маленький принц сел на стол, чтобы отдышаться. Он уже столько странствовал!

– Откуда ты? – спросил его старик.

– Что это за огромная книга? – спросил Маленький принц. – Что вы здесь делаете?

– Я географ, – ответил старик.

– А что такое географ?

– Это ученый, который знает, где находятся моря, реки, города, горы и пустыни.

– Как интересно! – сказал Маленький принц. – Вот это – настоящее дело!

И он окинул взглядом планету географа. Никогда еще он не видал такой величественной планеты!

– Ваша планета очень красивая, – сказал он. – А океаны у вас есть?

– Этого я не знаю, – сказал географ.

– 0-0-0... – разочарованно протянул Маленький принц. – А горы есть?

– Не знаю, – повторил географ.

– А города, реки, пустыни?

– И этого я тоже не знаю.

– Но ведь вы географ!

– Вот именно, – сказал старик. – Я географ, а не

путешественник. Мне ужасно не хватает путешественников. Ведь не географы ведут счет городам, рекам, горам, морям, океанам и пустыням. Географ – слишком важное лицо, ему некогда разгуливать. Он не выходит из своего кабинета. Но он принимает у себя путешественников и записывает их рассказы. И если кто-нибудь из них расскажет что-нибудь интересное, географ наводит справки и проверяет, порядочный ли человек этот путешественник.

– А зачем?

– Да ведь если путешественник станет врать, в учебниках географии все перепутается. И если он выпивает лишнее – тоже беда.

– А почему?

– Потому, что у пьяниц двоится в глазах. И там, где на самом деле одна гора, географ отметит две.

– Я знал одного человека... Из него вышел бы плохой путешественник, – заметил Маленький принц.

– Очень возможно. Так вот, если окажется, что путешественник – человек порядочный, тогда проверяют его открытие.

– Как проверяют? Идут и смотрят?

– Ну нет. Это слишком сложно. Просто требуют, чтобы путешественник представил доказательства. Например, если он открыл большую гору, пускай принесет с нее большие камни.

Географ вдруг пришел в волнение:

– Но ты ведь и сам путешественник! Ты явился издалека! Расскажи мне о своей планете!

И он раскрыл толстенную книгу и очинил карандаш. Рассказы путешественников сначала записывают карандашом. И только после того как путешественник представит доказательства, можно

записать его рассказ чернилами.

– Слушаю тебя, – сказал географ.

– Ну, у меня там не так уж интересно, – промолвил Маленький принц. – У меня все очень маленькое. Есть три вулкана. Два действуют, а один давно потух. Но мало ли что может случиться...

– Да, все может случиться, – подтвердил географ.

– Потом у меня есть цветок.

– Цветы мы не отмечаем, – сказал географ.

– Почему?! Это ведь самое красивое!

– Потому, что цветы эфемерны.

– Как это – эфемерны?

– Книги по географии – самые драгоценные книги на свете, – объяснил географ. – Они никогда не устаревают. Ведь это очень редкий случай, чтобы гора сдвинулась с места. Или чтобы океан пересох. Мы пишем о вещах вечных и неизменных.

– Но потухший вулкан может проснуться, – прервал Маленький принц. – А что такое «эфемерный»?

– Потух вулкан или действует, это для нас, географов, не имеет значения, – сказал географ. – Важно одно: гора. Она не меняется.

– А что такое «эфемерный»? – спросил Маленький принц, который, раз задав вопрос, не успокаивался, пока не получал ответа.

– Это значит: тот, что должен скоро исчезнуть.

– И мой цветок должен скоро исчезнуть?

– Разумеется.

«Моя краса и радость недолговечна, – сказал себе Маленький

принц, – и ей нечем защищаться от мира, у нее только и есть что четыре шипа. А я бросил ее, и она осталась на моей планете совсем одна!»

Это впервые он пожалел о покинутом цветке. Но тут же мужество вернулось к нему.

– Куда вы посоветуете мне отправиться? – спросил он географа.

– Посети планету Земля, – отвечал географ. – У нее неплохая репутация...

И Маленький принц пустился в путь, но мысли его были о покинутом цветке.

XVI

Итак, седьмая планета, которую он посетил, была Земля.

Земля – планета не простая! На ней насчитывается сто одиннадцать королей (в том числе, конечно, и негритянских), семь тысяч географов, девятьсот тысяч дельцов, семь с половиной миллионов пьяниц, триста одиннадцать миллионов честолюбцев, итого около двух миллиардов взрослых.

Чтобы дать вам понятие о том, как велика Земля, скажу лишь, что, пока не изобрели электричество, на всех шести континентах приходилось держать целую армию фонарщиков – четыреста шестьдесят две тысячи пятьсот одиннадцать человек.

Если поглядеть со стороны, это было великолепное зрелище. Движения этой армии подчинялись точнейшему ритму, совсем как в балете. Первыми выступали фонарщики Новой Зеландии и Австралии. Засветив свои огни, они отправлялись спать. За ними наступал черед фонарщиков Китая. Исполнив свой танец, они тоже скрывались за кулисами. Потом приходил черед фонарщиков в России и в Индии. Потом – в Африке и Европе. Затем в Южной Америке, затем в Северной Америке. И никогда они не ошибались, никто не выходил на сцену не вовремя. Да, это было блистательно.

Только тому фонарщику, что должен был зажигать единственный фонарь на северном полюсе, да его собрату на южном полюсе, – только этим двоим жилось легко и беззаботно: им приходилось заниматься своим делом всего два раза в год.

XVII

Когда очень хочешь сострить, иной раз поневоле приврешь. Рассказывая о фонарщиках, я несколько погрешил против истины. Боюсь, что у тех, кто не знает нашей планеты, сложится о ней ложное представление. Люди занимают на Земле не так уж много места. Если бы два миллиарда ее жителей сошлись и стали сплошной толпой, как на митинге, все они без труда уместились бы на пространстве размером двадцать миль в длину и двадцать в

ширину. Все человечество можно бы составить плечом к плечу на самом маленьком островке в Тихом океане.

Взрослые вам, конечно, не поверят. Они воображают, что занимают очень много места. Они кажутся сами себе величественными, как баобабы. А вы посоветуйте им сделать точный расчет. Им это понравится, они ведь обожают цифры. Вы же не тратьте время на эту арифметику. Это ни к чему. Вы и без того мне верите.

Итак, попав на землю, Маленький принц не увидел ни души и очень удивился. Он подумал даже, что залетел по ошибке на какую-то другую планету. Но тут в песке шевельнулось колечко цвета лунного луча.

– Добрый вечер, – сказал на всякий случай Маленький принц.

– Добрый вечер, – ответила змея.

– На какую это планету я попал?

– На Землю, – сказала змея. – В Африку.

– Вот как. А разве на Земле нет людей?

– Это пустыня. В пустынях никто не живет. Но Земля большая.

Маленький принц сел на камень и поднял глаза к небу.

– Хотел бы я знать, зачем звезды светятся, – задумчиво сказал он. – Наверно, затем, чтобы рано или поздно каждый мог вновь отыскать свою. Смотри, вот моя планета – как раз прямо над нами... Но как до нее далеко!

– Красивая планета, – сказала змея. – А что ты будешь делать здесь, на Земле?

– Я поссорился со своим цветком, – признался Маленький принц.

– А, вот оно что...

И оба умолкли.

– А где же люди? – вновь заговорил наконец Маленький принц. – В пустыне все-таки одиноко...

– Среди людей тоже одиноко, – заметила змея.

Маленький принц внимательно посмотрел на нее.

– Странное ты существо, – сказал он. – Не толще пальца...

– Но могущества у меня больше, чем в пальце короля, – возразила змея.

Маленький принц улыбнулся:

– Ну, разве ты уж такая могущественная? У тебя даже лап нет. Ты и путешествовать не можешь...

– Я могу унести тебя дальше, чем любой корабль, – сказала змея.

И обвилась вокруг щиколотки Маленького принца, словно золотой браслет.

– Всякого, кого я коснусь, я возвращаю земле, из которой он вышел, – сказала она. – Но ты чист и явился со звезды...

Маленький принц не ответил.

– Мне жаль тебя, – продолжала змея. – Ты так слаб на этой Земле, жесткой, как гранит. В тот день, когда ты горько пожалеешь о своей покинутой планете, я сумею тебе помочь. Я могу...

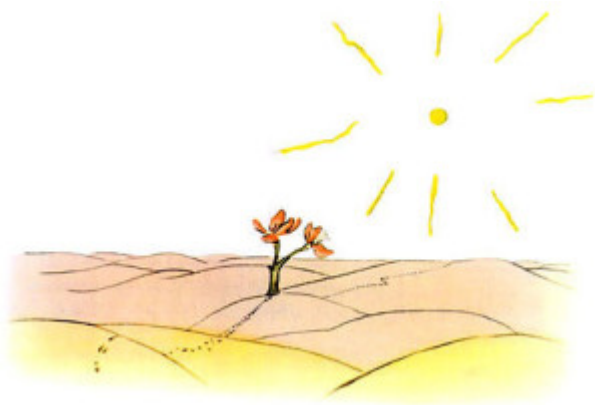
– Я прекрасно понял, – сказал Маленький принц. – Но почему ты все время говоришь загадками?

– Я решаю все загадки, – сказала змея.

И оба умолкли.

XVIII

Маленький принц пересек пустыню и никого не встретил. За все время ему попался только один цветок – крохотный, невзрачный цветок с трех лепестках...

– Здравствуй, – сказал Маленький принц.

– Здравствуй, – отвечал цветок.

– А где люди? – вежливо спросил Маленький принц.

Цветок видел однажды, как мимо шел караван.

– Люди? Ах да... Их всего-то, кажется, шесть или семь. Я видел их много лет назад. Но где их искать – неизвестно. Их носит ветром. У них нет корней, это очень неудобно.

– Прощай, – сказал Маленький принц.

– Прощай, – сказал цветок.

XIX

Маленький принц поднялся на высокую гору. Прежде он никогда не видал гор, кроме своих трех вулканов, которые были ему по колено. Потухший вулкан служил ему табуретом. И теперь он подумал: «С такой высокой горы я сразу увижу всю эту планету и всех людей». Но увидел только скалы, острые и тонкие, как иглы.

– Добрый день, – сказал он на всякий случай.

– Добрый день... день... день... – откликнулось эхо.

– Кто вы? – спросил Маленький принц.

– Кто вы... кто вы... кто вы... – откликнулось эхо.

– Будем друзьями, я совсем один, – сказал он.

– Один... один... один... – откликнулось эхо.

«Какая странная планета! – подумал Маленький принц. – Совсем сухая, вся в иглах и соленая. И у людей не хватает воображения. Они только повторяют то, что им скажешь... Дома у

меня был цветок, моя краса и радость, и он всегда заговаривал первым».

XX

Долго шел Маленький принц через пески, скалы и снега и, наконец, набрел на дорогу. А все дороги ведут к людям.

– Добрый день, – сказал он.

Перед ним был сад, полный роз.

– Добрый день, – отозвались розы.

И Маленький принц увидел, что все они похожи на его цветок.

– Кто вы? – спросил он, пораженный.

– Мы – розы, – отвечали розы.

– Вот как... – промолвил Маленький принц.

И почувствовал себя очень-очень несчастным. Его красавица говорила ему, что подобных ей нет во всей вселенной. И вот перед ним пять тысяч точно таких же цветов в одном только саду!

«Как бы она рассердилась, если бы увидела их! – подумал Маленький принц. – Она бы ужасно раскашлялась и сделала вид, что умирает, лишь бы не показаться смешной. А мне пришлось бы ходить за ней, как за больной, ведь иначе она и вправду бы умерла, лишь бы унижить и меня тоже...»

А потом он подумал: «Я-то воображал, что владею единственным в мире цветком, какого больше ни у кого и нигде нет, а это была самая обыкновенная роза. Только всего у меня и было что простая роза да три вулкана ростом мне по колено, и то один из них потух и, может быть, навсегда... какой же я после этого принц...»

Он лег в траву и заплакал.

XXI

Вот тут-то и появился Лис.

– Здравствуй, – сказал он.

– Здравствуй, – вежливо ответил Маленький принц и оглянулся, но никого не увидел.

– Я здесь, – послышался голос. – Под яблоней...

– Кто ты? – спросил Маленький принц. – Какой ты красивый!

– Я – Лис, – сказал Лис.

– Поиграй со мной, – попросил Маленький принц. – Мне так грустно...

– Не могу я с тобой играть, – сказал Лис. – Я не приручен.

– Ах, извини, – сказал Маленький принц.

Но, подумав, спросил:

– А как это – приручить?

– Ты не здешний, – заметил Лис. – Что ты здесь ищешь?

– Людей ищу, – сказал Маленький принц. – А как это – приручить?

– У людей есть ружья, и они ходят на охоту. Это очень неудобно! И еще они разводят кур. Только этим они и хороши. Ты ищешь кур?

– Нет, – сказал Маленький принц. – Я ищу друзей. А как это – приручить?

– Это давно забытое понятие, – объяснил Лис. – Оно означает: создать узы.

– Узы?

– Вот именно, – сказал Лис. – Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственным в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...

– Я начинаю понимать, – сказал Маленький принц. – Была одна роза... наверно, она меня приручила...

– Очень возможно, – согласился Лис. – На Земле чего только не бывает.

– Это было не на Земле, – сказал Маленький принц.

Лис очень удивился:

– На другой планете?

– Да.

- А на той планете есть охотники?
- Нет.
- Как интересно! А куры есть?
- Нет.
- Нет в мире совершенства! – вздохнул Лис.

Но потом он вновь заговорил о том же:

– Скучная у меня жизнь. Я охочусь за курами, а люди охотятся за мною. Все куры одинаковы, и люди все одинаковы. И живется мне скучновато. Но если ты меня приручишь, моя жизнь словно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других. Заслышав людские шаги, я всегда убегаю и прячусь. Но твоя походка позовет меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища. И потом – смотри! Видишь, вон там, в полях, зреет пшеница? Я не ем хлеба. Колосья мне не нужны. Пшеничные поля ни о чем мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я люблю шелест колосьев на ветру...

Лис замолчал и долго смотрел на Маленького принца. Потом сказал:

– Пожалуйста... приручи меня!

– Я бы рад, – отвечал Маленький принц, – но у меня так мало времени. Мне еще надо найти друзей и узнать разные вещи.

– Узнать можно только те вещи, которые приручишь, – сказал Лис. – У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!

– А что для этого надо делать? – спросил Маленький принц.

– Надо запастись терпением, – ответил Лис. – Сперва сядь вон там, поодаль, на траву – вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днем садись немножко ближе...

Назавтра Маленький принц вновь пришел на то же место.

– Лучше приходи всегда в один и тот же час, – попросил Лис. – Вот, например, если ты будешь приходить в четыре часа, я уже с трех часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливее. В четыре часа я уже начну волноваться и тревожиться. Я узнаю цену счастью! А если ты приходишь всякий раз в другое время, я не знаю, к какому часу готовить свое сердце... Нужно соблюдать обряды.

– А что такое обряды? – спросил Маленький принц.

– Это тоже нечто давно забытое, – объяснил Лис. – Нечто такое, отчего один какой-то день становится не похож на все другие дни, один час – на все другие часы. Вот, например, у моих охотников есть такой обряд: по четвергам они танцуют с деревенскими девушками. И какой же это чудесный день – четверг! Я отправляюсь на прогулку и дохожу до самого виноградника. А если бы охотники танцевали когда придется, все дни были бы одинаковы и я никогда не знал бы отдыха.

Так Маленький принц приручил Лиса. И вот настал час прощанья.

– Я буду плакать о тебе, – вздохнул Лис.

– Ты сам виноват, – сказал Маленький принц. – Я ведь не хотел, чтобы тебе было больно, ты сам пожелал, чтобы я тебя приручил...

– Да, конечно, – сказал Лис.

– Но ты будешь плакать!

– Да, конечно.

– Значит, тебе от этого плохо.

– Нет, – возразил Лис, – мне хорошо. Вспомни, что я говорил про золотые колосья.

Он умолк. Потом прибавил:

– Поди взгляни еще раз на розы. Ты поймешь, что твоя роза – единственная в мире. А когда вернешься, чтобы проститься со мной, я открою тебе один секрет. Это будет мой тебе подарок.

Маленький принц пошел взглянуть на розы.

– Вы ничуть не похожи на мою розу, – сказал он им. – Вы еще ничто. Никто вас не приручил, и вы никого не приручили. Таким был прежде мой Лис. Он ничем не отличался от ста тысяч других лисиц. Но я с ним подружился, и теперь он – единственный в целом свете.

Розы очень смутились.

– Вы красивые, но пустые, – продолжал Маленький принц. – Ради вас не захочется умереть. Конечно, случайный прохожий, поглядев на мою розу, скажет, что она точно такая же, как вы. Но мне она одна дороже всех вас. Ведь это ее, а не вас я поливал каждый день. Ее, а не вас накрывал стеклянным колпаком. Ее загораживал ширмой, оберегая от ветра. Для нее убивал гусениц, только двух или трех оставил, чтобы вывелись бабочки. Я слушал, как она жаловалась и как хвастала, я прислушивался к ней, даже когда она умолкала. Она – моя.

И Маленький принц возвратился к Лису.

– Прощай... – сказал он.

– Прощай, – сказал Лис. – Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

– Самого главного глазами не увидишь, – повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

– Твоя роза так дорога тебе потому, что ты отдавал ей всю душу.

– Потому что я отдавал ей всю душу... – повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

– Люди забыли эту истину, – сказал Лис, – но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу.

– Я в ответе за мою розу... – повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

XXII

– Добрый день, – сказал Маленький принц.

– Добрый день, – отозвался стрелочник.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Маленький принц.

– Сортирую пассажиров, – отвечал стрелочник. – Отправляю их в поездах по тысяче человек за раз – один поезд направо, другой налево.

И скорый поезд, сверкая освещенными окнами, с громом промчался мимо, и будка стрелочника вся задрожала.

– Как они спешат, – удивился Маленький принц. – Чего они ищут?

– Даже сам машинист этого не знает, – сказал стрелочник.

И в другую сторону, сверкая огнями, с громом пронесся еще один скорый поезд.

– Они уже возвращаются? – спросил Маленький принц.

– Нет, это другие, – сказал стрелочник. – Это встречный.

– Им было нехорошо там, где они были прежде?

– Там хорошо, где нас нет, – сказал стрелочник.

И прогремел, сверкая, третий скорый поезд.

– Они хотят догнать тех, первых? – спросил Маленький принц.

– Ничего они не хотят, – сказал стрелочник. – Они спят в вагонах или просто сидят и зевают. Одни только дети прижимаются носами к окнам.

– Одни только дети знают, чего ищут, – промолвил Маленький

принц. – Они отдают всю душу тряпочной кукле, и она становится им очень-очень дорога, и если ее у них отнимут, дети плачут...

– Их счастье, – сказал стрелочник.

XXIII

– Добрый день, – сказал Маленький принц.

– Добрый день, – ответил торговец.

Он торговал усовершенствованными пилюлями, которые утоляют жажду. Проглотишь такую пилюлю – и потом целую неделю не хочется пить.

– Для чего ты их продаешь? – спросил Маленький принц.

– От них большая экономия времени, – ответил торговец. – По подсчетам специалистов, можно сэкономить пятьдесят три минуты в неделю.

– А что делать в эти пятьдесят три минуты?

– Да что хочешь.

«Будь у меня пятьдесят три минуты свободных, – подумал Маленький принц, – я бы просто-напросто пошел к роднику...»

XXIV

Миновала неделя с тех пор, как я потерпел аварию, и, слушая про торговца пилюлями, я выпил последний глоток воды.

– Да, – сказал я Маленькому принцу, – все, что ты рассказываешь, очень интересно, но я еще не починил свой самолет, у меня не осталось ни капли воды, и я тоже был бы счастлив, если бы мог просто-напросто пойти к роднику.

– Лис, с которым я подружился...

– Милый мой, мне сейчас не до Лиса!

– Почему?

– Да потому, что придется умереть от жажды...

Он не понял, какая тут связь. Он возразил:

– Хорошо, когда есть друг, пусть даже надо умереть. Вот я очень рад, что дружил с Лисом...

«Он не понимает, как велика опасность. Он никогда не испытывал ни голода, ни жажды. Ему довольно солнечного луча...»

Я не сказал этого вслух, только подумал. Но Маленький принц посмотрел на меня – и промолвил:

– Мне тоже хочется пить... пойдём поищем колодец...

Я устало развел руками: что толку наугад искать колодцы в бескрайней пустыне? Но все-таки мы пустились в путь.

Долгие часы мы шли молча; наконец стемнело, и в небе стали загораться звезды. От жажды меня немного лихорадило, и я видел их будто во сне. Мне все вспоминались слова Маленького принца, и я спросил:

– Значит, и ты тоже знаешь, что такое жажда?

Но он не ответил. Он сказал просто:

– Вода бывает нужна и сердцу...

Я не понял, но промолчал. Я знал, что не следует его расспрашивать.

Он устал. Опустился на песок. Я сел рядом. Помолчали. Потом он сказал:

– Звезды очень красивые, потому что где-то там есть цветок, хоть его и не видно...

– Да, конечно, – сказал я только, глядя на волнистый песок, освещенный луною.

– И пустыня красивая... – прибавил Маленький принц.

Это правда. Мне всегда нравилось в пустыне. Сидишь на песчаной дюне. Ничего не видно. Ничего не слышно. И все же в тишине что-то светится...

– Знаешь, отчего хороша пустыня? – сказал он. – Где-то в ней скрываются родники...

Я был поражен, вдруг я понял, что означает таинственный свет, исходящий от песков. Когда-то, маленьким мальчиком, я жил в старом-престаром доме – рассказывали, будто в нем запрятан клад. Разумеется, никто его так и не открыл, а может быть, никто никогда его и не искал. Но из-за него дом был словно заколдован: в сердце своем он скрывал тайну...

– Да, – сказал я. – Будь то дом, звезды или пустыня – самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами.

– Я очень рад, что ты согласен с моим другом Лисом, – отозвался Маленький принц.

Потом он уснул, я взял его на руки и пошел дальше. Я был взволнован. Мне казалось – я несу хрупкое сокровище. Мне казалось даже, что ничего более хрупкого нет на нашей Земле. При свете луны я смотрел на его бледный лоб, на сомкнутые ресницы, на золотые пряди волос, которые перебирал ветер, и говорил себе: все это лишь оболочка. Самое главное – то, чего не увидишь глазами...

Его полуоткрытые губы дрогнули в улыбке, и я сказал себе еще:

трогательней всего в этом спящем Маленьком принце его верность цветку, образ розы, который сияет в нем, словно пламя светильника, даже когда он спит... И я понял, что он еще более хрупок, чем кажется. Светильники надо беречь: порыв ветра может погасить их...

Так я шел – и на рассвете дошел до колодца.

XXV

– Люди забираются в скорые поезда, но они уже сами не понимают, чего ищут, – сказал Маленький принц. – Поэтому они не знают покоя и бросаются то в одну сторону, то в другую...

Потом прибавил:

– И все напрасно...

Колодец, к которому мы пришли, был не такой, как все колодцы в Сахаре. Обычно здесь колодец – просто яма в песке. А это был самый настоящий деревенский колодец. Но поблизости не было никакой деревни, и я подумал, что это сон.

– Как странно, – сказал я Маленькому принцу, – тут все приготовлено: и ворот, и ведро, и веревка...

Он засмеялся, тронул веревку, стал раскручивать ворот. И ворот заскрипел, точно старый флюгер, долго ржавевший в безветрии.

– Слышишь? – сказал Маленький принц. – Мы разбудили колодец, и он запел...

Я боялся, что он устанет.

– Я сам зачерпну воды, – сказал я, – тебе это не под силу.

Медленно вытащил я полное ведро и надежно поставил его на каменный край колодца. В ушах у меня еще отдавалось пенье скрипучего ворота, вода в ведре еще дрожала, и в ней дрожали солнечные зайчики.

– Мне хочется глотнуть этой воды, – промолвил Маленький принц. – Дай мне напиться...

И я понял, что он искал!

Я поднес ведро к его губам. Он пил, закрыв глаза. Это было как самый прекрасный пир. Вода эта была не простая. Она родилась из долгого пути под звездами, из скрипа ворота, из усилий моих рук. Она была, как подарок сердцу. Когда я был маленький, так светились для меня рождественские подарки: сияньем свеч на елке, пеньем органа в час полночной мессы, ласковыми улыбками.

– На твоей планете, – сказал Маленький принц, – люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... и не находят того, что ищут...

– Не находят, – согласился я.

– А ведь то, чего они ищут, можно найти в одной-единственной розе, в глотке воды...

– Да, конечно, – согласился я.

И Маленький принц сказал:

– Но глаза слепы. Искать надо сердцем.

Я выпил воды. Дышалось легко. На рассвете песок становится золотой, как мед. И от этого тоже я был счастлив. С чего бы мне грустить?..

– Ты должен сдержать слово, – мягко сказал Маленький принц, снова садясь рядом со мною.

– Какое слово?

– Помнишь, ты обещал... намордник для моего барашка... Я ведь в ответе за тот цветок.

Я достал из кармана свои рисунки. Маленький принц поглядел на них и засмеялся:

– Баобабы у тебя похожи на капусту...

А я-то так гордился своими баобабами!

– А у лисицы твоей уши... точно рога! И какие длинные!

И он опять засмеялся.

– Ты несправедлив, дружок. Я ведь никогда и не умел рисовать – разве только удавов снаружи и изнутри.

– Ну ничего, – успокоил он меня. – Дети и так поймут.

И я нарисовал намордник для барашка. Я отдал рисунок Маленькому принцу, и сердце у меня сжалось.

– Ты что-то задумал и не говоришь мне...

Но он не ответил.

– Знаешь, – сказал он, – завтра исполнится год, как я попал к

вам на Землю...

И умолк. Потом прибавил:

– Я упал совсем близко отсюда...

И покраснел.

И опять, бог весть почему, тяжело стало у меня на душе.

Все-таки я спросил:

– Значит, неделю назад, в то утро, когда мы познакомились, ты не случайно бродил тут совсем один, за тысячу миль от человеческого жилья? Ты возвращался к тому месту, где тогда упал?

Маленький принц покраснел еще сильнее.

А я прибавил нерешительно:

– Может быть, это потому, что исполняется год?..

И снова он покраснел. Он не ответил ни на один мой вопрос, но ведь когда краснеешь, это значит «да», не так ли?

– Мне страшно... – со вздохом начал я.

Но он сказал:

– Пора тебе приниматься за работу. Иди к своей машине. Я буду ждать тебя здесь. Возвращайся завтра вечером...

Однако мне не стало спокойнее. Я вспомнил о Лисе. Когда даешь себя приручить, потом случается и плакать.

XXVI

Неподалеку от колодца сохранились развалины древней каменной стены. На другой вечер, покончив с работой, я вернулся туда и еще издали увидел, что Маленький принц сидит на краю стены,

свесив ноги. И услышал его голос:

– Разве ты не помнишь? – говорил он. – Это было совсем не здесь.

Наверно, кто-то ему отвечал, потому что он возразил:

– Ну да, это было ровно год назад, день в день, но только в другом месте...

Я зашагал быстрее. Но нигде у стены я больше никого не видел и не слышал. А между тем Маленький принц снова ответил кому-то:

– Ну, конечно. Ты найдешь мои следы на песке. И тогда жди. Сегодня ночью я туда приду.

До стены оставалось двадцать метров, а я все еще ничего не видел.

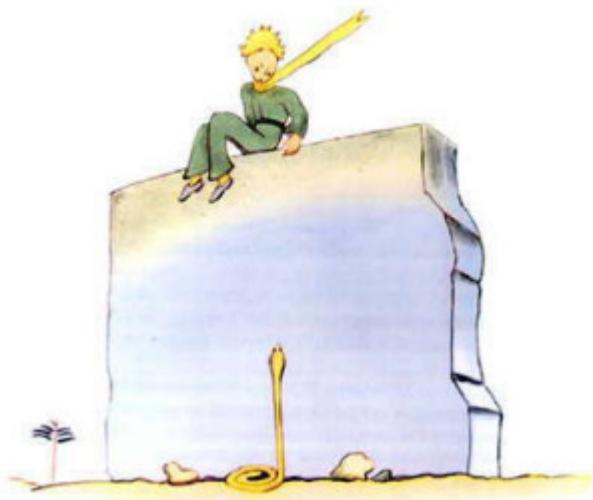
После недолгого молчания Маленький принц спросил:

– А у тебя хороший яд? Ты не заставишь меня долго мучиться?

Я остановился, и сердце мое сжалось, но я все еще не понимал.

– Теперь уходи, – сказал Маленький принц. – Я хочу спрыгнуть вниз.

Тогда я опустил глаза, да так и подскочил! У подножья стены, подняв голову к Маленькому принцу, свернулась желтая змейка, из тех, чей укус убивает в полминуты. Нащупывая в кармане револьвер, я бегом бросился к ней, но при звуке шагов змейка тихо заструилась по песку, словно умирающий ручеек, и с еле слышным металлически звоном неторопливо скрылась меж камней.

Я подбежал к стене как раз вовремя, чтобы подхватить моего Маленького принца. Он был белее снега.

– Что это тебе вздумалось, малыш! – воскликнул я. – Чего ради ты заводишь разговоры со змеями?

Я развязал его неизменный золотой шарф. Смочил ему виски и заставил выпить воды. Но я не смел больше ни о чем спрашивать. Он серьезно посмотрел на меня и обвил мою шею руками. Я услышал, как бьется его сердце, словно у подстреленной птицы. Он сказал:

– Я рад, что ты нашел, в чем там была беда с твоей машиной. Теперь ты можешь вернуться домой...

– Откуда ты знаешь?!

Я как раз собирался сказать ему, что, вопреки всем ожиданиям, мне удалось исправить самолет!

Он не ответил, он только сказал:

– И я тоже сегодня вернусь домой.

Потом прибавил печально:

– Это гораздо дальше... и гораздо труднее...

Все было как-то странно. Я крепко обнимал его, точно малого

ребенка, и, однако, мне казалось, будто он ускользает, проваливается в бездну, и я не в силах его удержать...

Он задумчиво смотрел куда-то вдаль.

– У меня останется твой барашек. И ящик для барашка. И намордник...

И он печально улыбнулся.

Я долго ждал. Он словно бы приходил в себя.

– Ты напугался, малыш...

Ну еще бы не напугаться! Но он тихонько засмеялся:

– Сегодня вечером мне будет куда страшнее...

И снова меня оледенило предчувствие непоправимой беды. Неужели, неужели я никогда больше не услышу, как он смеется? Этот смех для меня – точно родник в пустыне.

– Малыш, я хочу еще послушать, как ты смеешься...

Но он сказал:

– Сегодня ночью исполнится год. Моя звезда станет как раз над тем местом, где я упал год назад...

– Послушай, малыш, ведь все это – и змея, и свиданье со звездой – просто дурной сон, правда?

Но он не ответил.

– Самое главное – то, чего не увидишь глазами... – сказал он.

– Да, конечно...

– Это как с цветком. Если любишь цветок, что растет где-то на далекой звезде, хорошо ночью глядеть в небо. Все звезды расцветают.

– Да, конечно...

– Это как с водой. Когда ты дал мне напиться, та вода была как музыка, а все из-за ворота и веревки... Помнишь? Она была очень хорошая.

– Да, конечно...

– Ночью ты посмотришь на звезды. Моя звезда очень маленькая, я не могу ее тебе показать. Так лучше. Она будет для тебя просто – одна из звезд. И ты полюбишь смотреть на звезды... Все они станут тебе друзьями. И потом, я тебе кое-что подарю...

И он засмеялся.

– Ах, малыш, малыш, как я люблю, когда ты смеешься!

– Вот это и есть мой подарок... это будет, как с водой...

– Как так?

– У каждого человека свои звезды. Одним – тем, кто странствует, – они указывают путь. Для других это просто маленькие огоньки. Для ученых они – как задача, которую надо решить. Для моего дельца они – золото. Но для всех этих людей звезды – немые. А у тебя будут совсем особенные звезды...

– Как так?

– Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу, где я смеюсь, – и ты услышишь, что все звезды смеются. У тебя будут звезды, которые умеют смеяться!

И он сам засмеялся.

– И когда ты утешься (в конце концов всегда утешаешься), ты будешь рад, что знал меня когда-то. Ты всегда будешь мне другом. Тебе захочется посмеяться со мною. Иной раз ты вот так распахнешь окно, и тебе будет приятно... И твои друзья станут удивляться, что ты смеешься, глядя на небо. А ты им скажешь: «Да, да, я всегда смеюсь, глядя на звезды!» И они подумают,

что ты сошел с ума. Вот какую злую шутку я с тобой сыграю.

И он опять засмеялся.

– Как будто вместо звезд я подарил тебе целую кучу смеющихся бубенцов...

Он опять засмеялся. Потом снова стал серьезен:

– Знаешь... сегодня ночью... лучше не приходи.

– Я тебя не оставлю.

– Тебе покажется, что мне больно... покажется даже, что я умираю. Так уж оно бывает. Не приходи, не надо.

– Я тебя не оставлю.

Но он был чем-то озабочен.

– Видишь ли... это еще из-за змеи. Вдруг она тебя ужалит... Змеи ведь злые. Кого-нибудь ужалить для них удовольствие.

– Я тебя не оставлю.

Он вдруг успокоился:

– Правда, на двоих у нее не хватит яда...

В эту ночь я не заметил, как он ушел. Он ускользнул неслышно. Когда я наконец нагнал его, он шел быстрым, решительным шагом.

– А, это ты... – сказал он только.

И взял меня за руку. Но что-то его тревожило.

– Напрасно ты идешь со мной. Тебе будет больно на меня смотреть. Тебе покажется, будто я умираю, но это неправда...

Я молчал.

– Видишь ли... это очень далеко. Мое тело слишком тяжелое. Мне его не унести.

Я молчал.

– Но это все равно, что сбросить старую оболочку. Тут нет ничего печального...

Я молчал.

Он немного пал духом. Но все-таки сделал еще одно усилие:

– Знаешь, будет очень славно. Я тоже стану смотреть на звезды. И все звезды будут точно старые колодцы со скрипучим воротом. И каждая даст мне напиток...

Я молчал.

– Подумай, как забавно! У тебя будет пятьсот миллионов бубенцов, а у меня – пятьсот миллионов родников...

И тут он тоже замолчал, потому что заплакал...

– Вот мы и пришли. Дай мне сделать еще шаг одному.

И он сел на песок, потому что ему стало страшно.

Потом он сказал:

– Знаешь... моя роза... я за нее в ответе. А она такая слабая! И такая простодушная. У нее только и есть что четыре жалких шипа, больше ей нечем защищаться от мира...

Я тоже сел, потому что у меня подкосились ноги. Он сказал:

– Ну... вот и все...

Помедлил еще минуту и встал. И сделал один только шаг. А я не мог шевельнуться.

Точно желтая молния мелькнула у его ног. Мгновение он оставался недвижим. Не вскрикнул. Потом упал – медленно, как падает дерево. Медленно и неслышно, ведь песок приглушает все звуки.

XXVII

И вот прошло уже шесть лет... Я еще ни разу никому об этом не рассказывал. Когда я вернулся, товарищи рады были вновь увидеть меня живым и невредимым. Грустно мне было, но я говорил им:

– Это я просто устал...

И все же понемногу я утешился. То есть... Не совсем. Но я знаю, он возвратился на свою планетку, ведь, когда рассвело, я не нашел на песке его тела. Не такое уж оно было тяжелое. А по ночам я люблю слушать звезды. Словно пятьсот миллионов бубенцов...

Но вот что поразительно. Когда я рисовал намордник для барашка, я забыл про ремешок! Маленький принц не сможет надеть его на барашка. И я спрашиваю себя: что-то делается там, на его планете? Вдруг барашек съел розу?

Иногда я говорю себе: «Нет, конечно, нет! Маленький принц на ночь всегда накрывает розу стеклянным колпаком, и он очень следит за барашком...» Тогда я счастлив. И все звезды тихонько смеются.

А иногда я говорю себе: «Бываешь же порой рассеянным... тогда все может случиться! Вдруг он как-нибудь вечером забыл про стеклянный колпак или барашек ночью втихомолку выбрался на волю...» И тогда все бубенцы плачут...

Все это загадочно и непостижимо. Вам, кто тоже полюбил Маленького принца, как и мне, это совсем, совсем не все равно: весь мир становится для нас иным оттого, что где-то в неизвестном уголке вселенной барашек, которого мы никогда не видели, быть может, съел не знакомую нам розу.

Взгляните на небо. И спросите себя: «Жива ли та роза или ее уже нет? Вдруг барашек ее съел?» И вы увидите: все станет по-другому...

И никогда ни один взрослый не поймет, как это важно!

Это, по-моему, самое красивое и самое печальное место на свете. Этот же уголок пустыни нарисован и на предыдущей странице, но я нарисовал еще раз, чтобы вы получше его разглядели. Здесь Маленький принц впервые появился на Земле, а потом исчез.

Всмотритесь внимательней, чтобы непременно узнать это место, если когда-нибудь вы попадете в Африку, в пустыню. Если вам случится тут проезжать, заклинаю вас, не спешите, помедлите немного под этой звездой! И если к вам подойдет маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы, уж конечно, догадаетесь, кто он такой. Тогда – очень прошу вас! – не забудьте утешить меня в моей печали, скорей напишите мне, что он вернулся...

Леону Верту.

Цитаты из Маленького принца:

Автор:

- Все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит. («эпиграф-посвящение»)
- Все дороги ведут к людям.
- Если ты сумеешь правильно судить сам себя, значит ты действительно мудр.

- Слова только мешают понимать друг друга.
- Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слёз.
- Это очень печально – когда забывают друзей. Не у всякого был друг.
- Но я, к сожалению, не умею видеть барашка сквозь стенки ящика. Может быть, я немного похож на взрослых. Наверное, я старею.
- Будь то дом, звезда или пустыня – самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами.
- Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им всё объяснять и растолковывать.
- Взрослые <...> воображают, что занимают очень много места.
- Смех, как родник в пустыне.
- Взрослые очень любят цифры. Когда рассказываешь им, что у тебя появился новый друг, они никогда не спросят о самом главном. Никогда они не скажут: «А какой у него голос? В какие игры он любит играть? Ловит ли он бабочек?» Они спрашивают: «Сколько ему лет? Сколько у него братьев? Сколько он весит? Сколько зарабатывает его отец?» И после этого воображают, что узнали человека.
- Глупо лгать, когда тебя так легко уличить!
- ..можно быть верным слову и всё-таки ленивым.
- Он не ответил ни на один мой вопрос, но ведь когда краснеешь, это значит «да», не так ли?
- Вот доказательства, что Маленький принц на самом деле существовал: он был очень, очень славный, он смеялся, и ему хотелось иметь барашка. А кто хочет барашка, тот, безусловно, существует.
- Дети должны быть очень снисходительны к взрослым.
- Когда даёшь себя приручить, потом случается и плакать.
- Когда очень хочешь состричь, иной раз поневоле приврёшь.
- ...короли смотрят на мир очень упрощённо: для них все люди – подданные.
- Мой друг никогда мне ничего не объяснял. Может быть, он думал, что я такой же, как он.

- Самое главное – то, чего не увидишь глазами...
- Светильники надо беречь: порыв ветра может их погасить...
- Я не знал, что ещё ему сказать. Я чувствовал себя ужасно неловким и неуклюжим. Как позвать, чтобы он услышал, как догнать его душу, ускользающую от меня...
- Маленький принц никогда еще не видал таких огромных бутонов и предчувствовал, что увидит чудо. А неведомая гостья, еще скрытая в стенах своей зеленой комнатки, все готовилась, все прихорашивалась. Она заботливо подбирала краски. Она наряжалась неторопливо, один за другим примеряя лепестки. Она не желала явиться на свет встрепанной, точно какой-нибудь мак. Она хотела показаться во всем блеске своей красоты. Да, это была ужасная кокетка! Таинственные приготовления длились день за днем. И вот, наконец, однажды утром, едва взошло солнце, лепестки раскрылись.
- – Вода бывает нужна и сердцу...
- Его полуоткрытые губы дрогнули в улыбке, и я сказал себе еще: трогательней всего в этом спящем Маленьком принце его верность цветку, образ розы, который сияет в нем, словно пламя светильника, даже когда он спит... И я понял, что он еще более хрупок, чем кажется. Светильники надо беречь: порыв ветра может погасить их...
- – Да, – сказал я. – Будь то дом, звезды или пустыня – самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами.
- Ты живешь в своих поступках, а не в теле. Ты – это твои действия, и нет другого тебя.
- Когда я спрашивал о чем-нибудь, он словно и не слышал. Лишь понемногу, из случайных, мимоходом оброненных слов мне все открылось.
- Неужели, неужели я никогда больше не услышу, как он смеется? Этот смех для меня – точно родник в пустыне.
- И тут он тоже замолчал, потому что заплакал...
- Взгляните на небо. И спросите себя: «Жива ли та роза или ее уже нет? Вдруг барашек ее съел?» И вы увидите: все станет по-другому... И никогда ни один взрослый не поймет, как это важно!

- Это, по-моему, самое красивое и самое печальное место на свете. Этот же уголок пустыни нарисован и на предыдущей странице, но я нарисовал еще раз, чтобы вы получше его разглядели. Здесь Маленький принц впервые появился на Земле, а потом исчез. Всмотритесь внимательней, чтобы непременно узнать это место, если когда-нибудь вы попадете в Африку, в пустыню. Если вам случится тут проезжать, заклинаю вас, не спешите, помедлите немного под этой звездой! И если к вам подойдет маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы, уж конечно, догадаетесь, кто он такой. Тогда – очень прошу вас! – не забудьте утешить меня в моей печали, скорей напишите мне, что он вернулся...

Маленький принц:

- Если идти всё прямо да прямо, далеко не уйдешь...
- Хорошо, если у тебя когда-то был друг, пусть даже надо умереть.
- Есть такое твердое правило. Встал поутру, умылся, привел себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету.
- Если любишь цветок – единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звезд, – этого довольно: смотришь на небо – и ты счастлив. И говоришь себе: «Где-то там живет мой цветок...»
- Мы разбудили колодец, и он запел...
- Если дашь волю баобабам, беды не миновать.
- И у людей не хватает воображения. Они только повторяют то, что им скажешь... Дома у меня был цветок, моя краса и радость, и он всегда заговаривал первым.
- – Люди забираются в скорые поезда, но они уже сами не понимают, чего ищут, – сказал Маленький Принц. – Поэтому они не знают покоя и бросаются то в одну сторону, то в другую...
- Люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... и не

находят того, что ищут.

- – Ничего я тогда не понимал! Надо было судить не по словам, а по делам. Она дарила мне свой аромат, озаряла мою жизнь. Я не должен был бежать. За этими жалкими хитростями и уловками надо было угадать нежность. Цветы так непоследовательны! Но я был слишком молод, я еще не умел любить.
- Знаешь, отчего хороша пустыня? Где-то в ней скрываются родники..
- Не люблю я выносить смертные приговоры. И вообще мне пора.
- Одни только дети знают, что ищут. Они отдают все свои дни тряпочной кукле, и она становится им очень-очень дорога, и, если ее у них отнимут, дети плачут...
- У каждого человека свои звезды.
- Глаза слепы. Искать надо сердцем.
- Вода бывает нужна и сердцу.
- Тщеславные люди глухи ко всему, кроме похвал.
- Цветы слабые. И простодушные.
- Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом.
- Это как с цветком. Если любишь цветок, что растет где-то на далекой звезде, хорошо ночью глядеть в небо. Все звезды расцветают.
- Всего-то у меня и было, что просто роза. Какой же я после этого принц?
- Хотел бы я знать, зачем звезды светятся, <...> Наверно, затем, чтобы рано или поздно каждый мог снова отыскать свою.
- Когда он зажигает свой фонарь – как будто рождается еще одна звезда или цветок. А когда он гасит фонарь – как будто звезда или цветок засыпают. Прекрасное занятие. Это по-настоящему полезно, потому что красиво.
- – Если любишь цветок – единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звезд, этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь себе: «Где-то там живет мой цветок...» Но если

барашек его съест, это все равно, как если бы все звезды разом погасли!

▪ – Звезды чьи? – ворчливо спросил делец.

– Не знаю. Ничьи.

– Значит, мои, потому что я первый до этого додумался.

– И этого довольно?

– Ну конечно. Если ты найдешь алмаз, у которого нет хозяина, – значит, он твой. Если ты найдешь остров, у которого нет хозяина, он твой. Если тебе первому придет в голову какая-нибудь идея, ты берешь на нее патент: она твоя. Я владею звездами, потому что до меня никто не догадался ими завладеть.

▪ – Вы ничуть не похожи на мою розу, – сказал он им. – Вы еще ничто. Никто вас не приручил, и вы никого не приручили. Таким был прежде мой Лис. Он ничем не отличался от ста тысяч других лисиц. Но я с ним подружился, и теперь он – единственный в целом свете.

Розы очень смутились.

– Вы красивые, но пустые, – продолжал Маленький принц. – Ради вас не захочется умереть. Конечно, случайный прохожий, поглядев на мою розу, скажет, что она точно такая же, как вы. Но мне она одна дороже всех вас. Ведь это ее, а не вас я поливал каждый день. Ее, а не вас накрывал стеклянным колпаком. Ее загораживал ширмой, оберегая от ветра. Для нее убивал гусениц, только двух или трех оставил, чтобы вывелись бабочки. Я слушал, как она жаловалась и как хвастала, я прислушивался к ней, даже когда она умолкала. Она – моя.

▪ – Прощайте, – сказал он.

Красавица не ответила.

– Прощайте, – повторил Маленький принц.

Она кашлянула. Но не от простуды.

– Я была глупая, – сказала она, наконец. – Прости меня.

И постарайся быть счастливым.

И ни слова упрека. Маленький принц был очень удивлен. Он застыл, смущенный и растерянный, со стеклянным колпаком в руках. Откуда эта тихая нежность?

– Да, да, я люблю тебя, – услышал он. – Моя вина, что ты этого не знал. Да это и не важно. Но ты был такой же глупый, как и я. Постарайся быть счастливым... Оставь колпак, он мне больше не нужен.

– Но ветер...

– Не так уж я простужена... Ночная свежесть пойдет мне на пользу. Ведь я – цветок.

– Но звери, насекомые...

– Должна же я стерпеть двух-трех гусениц, если хочу познакомиться с бабочками. Они, должно быть, прелестны. А то кто же станет меня навещать? Ты ведь будешь далеко. А больших зверей я не боюсь. У меня тоже есть когти.

И она в простоте душевной показала свои четыре шипа. Потом прибавила:

– Да не тужи же, это невыносимо! Решил уйти – так уходи. Она не хотела, чтобы Маленький принц видел, как она плачет. Это был очень гордый цветок...

- – И когда ты утетишься (в конце концов, всегда утешаешься), ты будешь рад, что знал меня когда-то. Ты всегда будешь мне другом. Тебе захочется посмеяться со мною. Иной раз ты вот так распахнешь окно, и тебе будет приятно... И твои друзья станут удивляться, что ты смеешься, глядя на небо. А ты им скажешь: «Да, да, я всегда смеюсь, глядя на звезды!» И они подумают, что ты сошел с ума. Вот какую злую шутку я с тобой сыграю.
- Знаешь... моя роза... я за нее в ответе. А она такая слабая! И такая простодушная. У нее только и есть что четыре жалких шипа, больше ей нечем защищаться от мира...
- Мы в ответе за тех, кого приручили...
- – Что это ты делаешь? – спросил Маленький принц.
 - Пью, – мрачно ответил пьяница.
 - Зачем?
 - Чтобы забыть.
 - О чем забыть? – спросил Маленький принц; ему стало жаль пьяницу.
 - Хочу забыть, что мне совестно, – признался пьяница и повесил голову.

– Отчего же тебе совестно? – спросил Маленький принц, ему очень хотелось помочь бедняге.

– Совестно пить! – объяснил пьяница, и больше от него нельзя было добиться ни слова.

- – Я знаю одну планету, там живет один господин с багровым лицом. Он за всю жизнь ни разу не понюхал цветка. Ни разу не поглядел на звезду. Он никогда никого не любил. И никогда ничего не делал. Он занят только одним: он складывает цифры. И с утра до ночи твердит одно: «Я человек серьезный! Я человек серьезный!» – совсем как ты. И прямо раздувается от гордости. А на самом деле он не человек. Он гриб.
- Довольно только передвинуть стул на несколько шагов. И ты снова и снова смотришь на закатное небо, стоит только захотеть...

Змея:

- Среди людей тоже одиноко.
- – Я прекрасно понял, – сказал Маленький принц. – Но почему ты все время говоришь загадками?
– Для меня не существует неразрешимых загадок, – сказала змея. И оба умолкли.

Лис:

- ...Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.
- Нет в мире совершенства!
- Слова только мешают понимать друг друга.
- Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил.
- Узнать можно только те вещи, которые приручишь, – сказал Лис. – У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей.
- «Если ты приручишь меня, мы будем нужны друг другу. Для меня ты станешь единственным во всём мире. И для тебя я

стану единственным во всём мире» – Сказал Лис Маленькому Принцу...

- – Скучная у меня жизнь. Я охочусь за курами, а люди охотятся за мною. Все куры одинаковы, и люди все одинаковы. И живется мне скучновато. Но если ты меня приручишь, моя жизнь, словно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других. Заслышав людские шаги, я всегда убегаю и прячусь. Но твоя походка позовет меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища. И потом – смотри! Видишь, вон там, в полях, зреет пшеница? Я не ем хлеба. Колосья мне не нужны. Пшеничные поля ни о чем мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я люблю шелест колосьев на ветру...
- – Люди забыли эту истину, – сказал Лис, – но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу.
- – Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя всего только лис, точно такой же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственным в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете.

Король :

- Если я повелю своему генералу обернуться морской чайкой, – говаривал он, – и если генерал не выполнит приказа, это будет не его вина, а моя.
- С каждого надо спрашивать то, что он может дать. Власть, прежде всего, должна быть разумной.
- Себя судить куда труднее, чем других. Если ты сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине мудр.

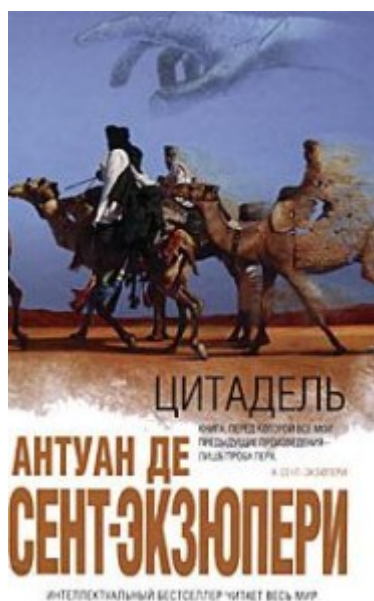
Географ:

- Потому, что цветы эфемерны <...> Это значит: тот, что должен скоро исчезнуть.

Загрузка...

Антуан де Сент-Экзюпери. Цитадель

Книга, в которой по-новому заиграли грани таланта этого писателя. Книга, в которой причудливо переплелись мотивы причин и военной прозы, мемуары и литературные легенды, размышления о смысле жизни и духовные искания великого француза.

Цитаты Экзюпери из книги Цитадель:

- Плод должен созреть, тогда он станет сладок.
- – Расплоди тараканов, – сказал отец, – и у тараканов появятся права. Права, очевидные для всех. Набегут

певцы, которые будут воспевать их. Они придут к тебе и будут петь о великой скорби тараканов, обречённых на гибель.

Скачать книгу Цитадель Антуана де Сент-Экзюпери:

[Антуан де Сент-Экзюпери. Цитадель](#)

Загрузка...

Антуан де Сент-Экзюпери. Письмо заложнику

Цитаты из произведения Письмо заложнику:

- Друзья, готовые нам помочь, находятся быстро. Куда труднее заслужить друзей, которые ждут помощи от нас.
- Долго надо возвращать дружбу, прежде чем друг предъявит на тебя права.
- Ты принимаешь меня таким, какой я есть, и потому, если

надо, примиришься и с моими рассуждениями и с поступками.

- Порядок создаётся жизнью, но сам он жизни не создает.
- Друг мой, ты нужен мне, как горная вершина, где вольно дышится!
- Часто улыбка и есть главное. Улыбкой благодарят. Улыбкой вознаграждают. Улыбкой дарят тебе жизнь. И есть улыбка, ради которой пойдёшь на смерть.

I

В декабре 1940 года, по дороге в Америку, я проезжал через Португалию, и Лиссабон показался мне каким-то светлым и грустным раем. В ту пору там было много разговоров о неминуемом вторжении, и Португалия судорожно цеплялась за свое призрачное счастье. В Лиссабоне устроили великолепную, невиданной прелести выставку, и столица улыбалась через силу – так улыбается мать, когда нет вестей от сына с войны, стараясь его спасти своей верой: «Мой сын жив, ведь я улыбаюсь...» Вот и столица Португалии словно говорила: «Смотрите, я так безмятежна, я такая мирная и светлая...» Весь материк нависал над Португалией, словно угрюмая гора, где рыщут орды хищников, а праздничная столица бросала Европе вызов: «Разве можно на меня напасть, ведь я так стараюсь не прятаться! Ведь я так беззащитна!..» У меня на родине города по ночам были серые, как пепел. Я отвык там от света, и при виде сияющего огнями Лиссабона беспокойно и смутно становилось у меня на душе. Когда предместье окутано тьмой, бриллианты в

чересчур ярко
освещенной витрине привлекают грабителей. Чувствуешь, как они
подбираются
ближе. Я чувствовал – над Лиссабоном нависает ночь Европы, и в
ночи кружат
стаи бомбардировщиков, точно они издалека почуяли драгоценную
добычу.
Но Португалия силилась не замечать алчного чудовища. Она не
хотела
верить зловещим знамениям. Вверяясь самообману отчаяния, она
говорила только
об искусстве. Неужели ее посмеют раздавить – ее, служительницу
искусства?
Она извлекла на свет все свои чудеса – неужели ее посмеют
раздавить среди
таких чудес? Она выставила напоказ своих великих людей. Пусть
у нее нет
армии, нет пушек – от железа и стали захватчика она
заслонилась часовыми из
камня: своими поэтами, своими землепроходцами и
первооткрывателями. Пусть у
нее нет армии, нет пушек – захватчику преградит дорогу ее
прошлое. Неужели
ее посмеют раздавить – ее, наследницу столь славного прошлого?
Каждый вечер я в невеселом раздумье бродил по этой прекрасной
выставке;
то был образец тончайшего вкуса, все здесь было на грани
совершенства, даже
музыка – неброская, выбранная с таким тактом, она струилась
среди садов
мягко, скромно, будто бесхитростная песня родника. Неужели
погубят это
удивительное чувство гармонии?
И через силу улыбающийся Лиссабон казался мне еще грустней
моих
погасших городов.
Я знавал – быть может, знавали и вы – немного странные семьи,

где за
столом сохраняют место умершего. Здесь отвергают непоправимое.
Но мне
кажется, этот вызов судьбе не утешает. Надо признать, что
мертвые – мертвы.
И тогда мы вновь, хоть и по-иному, ощущаем их присутствие. А в
таких семьях
им мешают возвратиться. Из умерших делают вечных изгнанников,
гостей,
которые навсегда опоздали к трапезе. Траур здесь променяли на
ожидание,
лишенное смысла. Мне казалось, такие дома поражены неисцелимым
недугом,
который душит сильнее, чем горе. О Господи, смирился же я и
надел траур,
когда потерял Гийоме, последнего моего друга (он разбился со
своим почтовым
самолетом). Гийоме уже не переменится. Никогда больше он меня
не навестит,
но и не покинет меня никогда. Я пожертвовал бесполезной
ловушкой – его
прибором за моим столом – и в умершем вновь обрел настоящего
друга.
А Португалия пыталась верить в счастье, сохраняла его прибор
за столом,
его праздничные фонарики, его музыку. Лиссабон прикидывался
счастливым в
надежде, что и Господь Бог поверит в это счастье.
Самый воздух Лиссабона казался еще тягостней из-за иных
беженцев. Я
говорю не об изгнанниках, которые искали здесь убежища. Не о
переселенцах,
искавших землю, которую они могли бы возделывать своими
руками. Я говорю о
тех, кто покинул родину, оставил в беде соотечественников,
лишь бы спасти
свой кошелек.

Мне не удалось поселиться в самом Лиссабоне, и я жил в Эшториле, подле казино. Я попал сюда прямо из пекла: девять месяцев подряд моя авиагруппа непрерывно летала над Германией и только за время немецкого наступления потеряла три четверти летного состава. Потом я возвратился на родину, ощутил угрюмую тяжесть неволи и угрозу голода. Я изведаль непроглядную ночь, которая придавила наши города. А теперь в двух шагах от меня казино Эшторила каждый вечер наполняли привидения. Неслышные «кадиллаки», притворяясь, будто им есть куда спешить, подкатывали по мельчайшему песку и высаживали их у подъезда. Привидения красовались в вечерних туалетах, совсем как в былые времена. Они щеголяли крахмальными манишками или жемчугами. Они приглашали друг друга на обеды и ужины, но то было застолье статистов: им не о чем было говорить. Потом они играли в рулетку или в баккара, смотря по деньгам. Иногда я заходил на них взглянуть. Глядел не с возмущением и не с насмешкой, но со смутной тревогой. Так тревожно бывает глядеть в зоологическом саду на последних потомков какой-нибудь вымершей породы. Они рассаживались вокруг столов. Теснились поближе к бесстрастному крупье и лезли вон из кожи, лишь бы ощутить надежду и отчаяние, испуг, зависть и ликование. Как будто они живые. Они играли на состояния, которые в эту самую минуту, быть может,

обращались в пустой звук. Расплачивались монетой, быть может, уже
обесцененной. Акции, запертые в их сейфах, обеспечивались
заводами, которые,
может быть, уже конфисковали оккупанты или вот-вот разнесет в
пыль
авиабомба. Эти люди выдавали векселя на Сириус. Они цеплялись
за прошлое,
словно в последние месяцы ничто в мире не рушилось, и пытались
верить, будто
они вправе предаваться игорной лихорадке, будто чеки их
надежно обеспечены и
договоры заключены навечно. Это было как во сне. Какой-то
кукольный театр. И
это было грустно.
Конечно же ничего они не способны были ощутить. Я уходил от
них. Шел на
взморье глотнуть свежего воздуха. И мне казалось, что море
Эшторила,
курортное, прирученное море, тоже участвует в их игре. Оно
влачило по заливу
одну-единственную вялую волну, и волна сверкала под луной, как
шлейф
бального платья, совсем не к месту и не ко времени.

На борту парохода я опять их встретил, этих беженцев. И
пароход тоже
вызывал неясную тревогу. Он переправлял их – растения без
корней – с одного
материка на другой. Я говорил себе: «Хочу быть
путешественником, не хочу
быть эмигрантом. На родине я научился многому, что будет
бесполезно в чужих
краях». Но вот мои эмигранты достают из карманов записные
книжки – последние
приметы их былой причастности к реальному миру. Они еще
притворяются живыми.

Изо всех сил стараются придать себе вес.

– Знаете, я такой-то, – говорят они. – Я из такого-то города...
друг

такого-то... знакомы вы с таким-то?

И рассказывают про какого-нибудь приятеля, или про какие-то
свои

обязательства, или какой-то промах – про что угодно, лишь бы
эта история

помогла им хоть с чем-нибудь установить связь. Но все связи с
прошлым

распались, ибо эти люди покинули родину. Прошлое еще дышит
теплом, оно еще

так свежо, так живо – таким бывает вначале воспоминание о
любви. Собираешь в

пачку письма, полные нежности. Присоединяешь к ним милые
сердцу памятки.

Заботливо все это перевязываешь. И на первых порах такая
святыня источает

грустное очарование. А потом пройдет мимо светловолосая
девушка с голубыми

глазами – и святыня умирает. Ибо и старый приятель, и старые
обязательства,

и родной город, и память о доме – все выцветает, если ничему
больше не

служит.

И эмигранты это чувствовали. Как Лиссабон прикидывался
безмятежным, так

они прикидывались, будто верят в скорое возвращение. До чего
безобиден уход

блудного сына! Уход этот мнимый, ведь позади остался отчий
дом. Уходишь ли в

другую комнату или на другую сторону планеты, разница не так
уж велика.

Присутствие друга, который где-то далеко, подчас ощутимей, чем
его

присутствие во плоти. Такое чувство рождает молитва. Никогда я
так не любил

родной дом, как в пору, когда очутился в Сахаре. Никогда ни
один жених не
был ближе к своей нареченной, чем бретонские моряки, что в XVI
веке огибали
мыс Горн и отдавали свою молодость борьбе со встречным ветром.
Едва они
уходили в плаванье, для них уже начинался обратный путь.
Загрубелыми руками
поднимая паруса, они готовили свое возвращение. Самая короткая
дорога из
бретонской гавани к дому невесты вела вокруг мыса Горн. А вот
эмигранты мне
казались бретонскими моряками, у которых отняли оставленных в
Бретани
невест. Любимая уже не засветит для них в окне скромный
огонек. Они отнюдь
не блудные сыны. У этих блудных детей нет дома, куда можно бы
возвратиться.
Вот тут-то и начинаются подлинные скитания – скитания вне
собственной души.
Как создать себя заново? Как распутать тяжелый клубок
воспоминаний?
Этот призрачный корабль, словно некое чистилище, нес на себе
груз еще не
родившихся душ. Живыми и подлинными, столь подлинными, что
хотелось их
коснуться, оставались только те, кто был неотделим от
парохода, облагорожен
настоящим делом – кто разносил подносы с едой, драил медяшку,
чистил обувь и
с чуть заметным презрением обслуживал мертвецов. Команда
смотрела на
эмигрантов немного свысока вовсе не потому, что те были бедны.
Им
не доставало не денег, но весомости. Эмигрант уже не был членом
такой-то
семьи, другом такого-то, человеком с такими-то

обязательствами. Каждый еще
играл свою роль, но все это была неправда. Никто в них больше
не нуждался,
никто не ждал от них помощи. Какое чудо – телеграмма, которая
переполошит
тебя, глубокой ночью поднимет с постели, погонит на вокзал:
«Приезжай! Ты
мне нужен!» Друзья, готовые нам помочь, находятся быстро. Куда
труднее
заслужить друзей, которые ждут помощи от нас. Да, конечно, эти
призраки не
будили ничьей ненависти и зависти, никто им не докучал. Но
никто и не любил
их по-настоящему. Я говорил себе: едва они сойдут на берег, их
в знак
сочувствия засыплют приглашениями на коктейли, на званые
обеда. Но кто
станет стучаться к ним в дверь, кто потребует: «Открой! Это
я!» Долго надо
вскармливать молоком младенца, прежде чем он сам начнет
требовать грудь.
Долго надо возвращать дружбу, прежде чем друг предъявит на
тебя права.
Поколение за поколением должно разориться, поддерживая
обветшалый замок,
который вот-вот рухнет, – тогда лишь научишься его любить.

II

И я говорил себе: «Главное – чтобы где-то сохранялось все, чем
ты жил
прежде. И обычаи. И семейные праздники. И дом, полный
воспоминаний. Главное
– жить для того, чтобы возвратиться...» Я чувствовал: самая суть
моя в
опасности, оттого что так хрупки далекие магнитные полюсы, без
которых я –

ничто. Мне грозила опасность узнать доподлинную пустыню, и я начал постигать тайну, которая давно уже меня занимала. Когда-то я прожил три года в Сахаре. И я, как многие другие, пытался постичь, чем же она завораживает и покоряет. Казалось бы, там только и есть что одиночество и лишения – но всякий, кому случилось побывать в пустыне, тоскует по тем временам, как по самой счастливой поре своей жизни. «Тоска по бескрайним пескам, тоска по одиночеству, тоска по простору» – все это лишь слова, литературные штампы, и ничего они не объясняют. А вот здесь, на борту парохода, битком набитого пассажирами, я, кажется, понял, что же такое пустыня. Да, конечно, в Сахаре, сколько хватает глаз, видишь все тот же песок, вернее, обкатанную временем гальку (песчаные дюны там редкость). Там ты вечно погружен в неизменное однообразие скуки. И однако, незримые божества создают вокруг тебя сеть притяжений, путей и примет – потаенную живую мускулатуру. И уже нет однообразия. Явственно определяются знаки и вехи. И даже тишина всякий раз иная. Бывает тишина мирная, когда утихает вражда племен и вечер приносит прохладу, и кажется – ты остановился в безмятежной гавани и спустил паруса. Бывает полуденная тишина, когда под давящим солнцем – ни мысли, ни движения. Бывает тишина обманчивая, когда замирает северный ветер, когда мотыльки и

стрекозы – цветочная пыльца, взметенная из глубинных оазисов,
– предвещают
песчаную бурю с востока. И тишина недобрая, когда узнаешь, что
в шатрах
дальнего племени зреет заговор. И тишина загадочная, когда
между арабами
завязываются тайные переговоры. И напряженная тишина, когда
ждешь гонца, а
он все не возвращается. И пронзительная ночная тишина, в
которую
вслушиваешься, затаив дыхание. И тишина, полная грусти, когда
вспоминаешь
тех, кого любишь.
Все тяготеет к полюсам. Каждая звезда указывает верный путь.
Все они –
звезды волхвов. Каждая служит своему богу. Вон та указывает
путь к далекому,
почти недостижимому роднику. И даль, что отделяет тебя от
этого родника,
гнетет, точно крепостной вал. А эта указывает на родник,
который давно
иссяк. И сама эта звезда кажется иссохшей. И в пространстве,
отделяющем тебя
от пересохшего родника, дороги нет. А вон та звезда привела бы
к неведомому
оазису, который восхваляли кочевники, но дорога туда заказана:
ее
преграждают непокорные племена. И пески между тобой и тем
оазисом – как
заколдованная лужайка из сказки. Еще одна звезда ведет на юг,
в белый город,
он точно сладостный плод, так и тянет его отведать. А та ведет
к морю.
И наконец, магнитное поле пустыни порождают безмерно далекие,
почти
неправдоподобные полюсы: дом твоего детства, который и сегодня
живет в

памяти; друг, о котором только и знаешь, что он есть.
И ощущаешь себя в силовом поле: есть силы пронизывающие,
животворные,
они тебя притягивают или отталкивают, льнут к тебе или
сопротивляются. И
стоишь на земле твердо, уверенно и надежно, в самом средоточии
важнейших
путей и направлений.
Пустыня не дарит осязаемых богатств, здесь ничего не видно и
не слышно,
а меж тем внутренняя жизнь не слабеет, напротив, становится
еще насыщенной,
и волей-неволей убеждаешься, что человеком движут прежде всего
побуждения,
которых глазами не увидишь. Человека ведет дух. В пустыне я
стою ровно
столько, сколько стоят мои божества.

Так вот, если на борту того печального корабля я чувствовал,
что богат
и еще не утратил живительных связей, и еще не вымерла моя
планета, – то лишь
потому, что далеко позади, затерянные в ночи, окутавшей
Францию, у меня
оставались друзья, и я начал понимать: без них я не существую.
Конечно же Франция была для меня не бесплотным божеством и не
историческим понятием, но живой плотью и опорой моей, сетью
связей, которые
направляли мою жизнь, системой магнитных полюсов, к которым
тяготело мое
сердце. И мне необходимо было чувствовать: они защищенной и
долговечней, чем
я, – те, кто мне нужен как путеводная звезда, чтобы не сбиться
с дороги.
Чтобы знать, куда возвратиться. Чтобы не сгинуть.
В этих-то людях и умещалась сполна и через них жила во мне моя
родина.

Так для мореплавателя суша воплощена всего лишь в свете нескольких маяков.

По маяку не измеришь расстояния. Просто его свет стоит перед глазами. И в

этой путеводной звезде – все чудеса далекой суши.

И вот сегодня, когда Франция, теперь уже полностью захваченная врагом,

затерялась в безмолвии со всем своим грузом, словно корабль, на котором

погашены все огни и неизвестно, уцелеет ли он среди бурь, – сегодня судьба

тех, кого я люблю, терзает меня куда сильнее, чем любой одолевающий меня

недуг. Оказывается, само бытие мое в опасности оттого, что мои любимые так

беззащитны.

Тому, о ком так тревожно сегодня ночью твердит мне память, пятьдесят

лет. Он болен. И он еврей. Уцелеет ли он среди ужасов немецкой оккупации?

Чтобы представить себе, что он еще дышит, мне надо верить: захватчики о нем

не подозревают, его укрыла надежная крепость – молчание крестьян приютившей

его деревни. Тогда лишь я верю – он еще жив. Тогда лишь, далекий скиталец в

необъятных владениях его дружбы, я могу чувствовать себя не эмигрантом, но

путешественником. Ибо пустыня совсем не там, где кажется. В Сахаре

несравнимо больше жизни, чем в столице, и людный город, полный суеты, – та

же пустыня, если утратили силу магнитные полюсы жизни.

III

Как же творит жизнь то силовое поле, которым мы живы? Откуда

она, сила
тяготения, которая влечет меня к дому друга? В какие решающие
мгновенья стал
он одним из полюсов, без которых я себя не мыслю? Из каких
неуловимых
событий сплетаются узы вот такой неповторимой нежности и через
нее – любовь
к родной стране?
Нет, подлинные чудеса не шумны. И самые важные события очень
просты.
Случай, о котором я хочу рассказать, так неприметен, что мне
надо вновь
пережить его в воображении, надо говорить с тобою, друг мой.
Тот день, незадолго до войны, мы провели на берегу Соны, возле
Турню.
Позавтракать решили в ресторанчике, дощатая веранда его
выступала над рекой.
Мы уселись за простой деревянный стол, изрезанный ножами
посетителей, и
спросили два перно. Врач запретил тебе спиртное, но в особых
случаях ты
плутовал. А это, конечно, был случай особый. Мы сами не знали
почему, но так
уж оно было. Мы радовались чему-то столь же неосязаемому, как
плоть
светового луча. И ты решился выпить праздничный стаканчик
перно. А в
нескольких шагах от нас два матроса разгружали барку, и мы
предложили им
выпить с нами. Мы окликнули их сверху, с веранды. И они
пришли. Просто взяли
и пришли. Так естественно было их позвать – наверно, как раз
потому, что в
душе у нас, неизвестно отчего, был праздник. Конечно же они не
могли не
отозваться. Итак, мы чокнулись!
Пригревало солнце. Теплым медом оно омывало тополя на другом

берегу и
равнину до самого небосклона. Нам становилось все веселей, а
почему – бог
весть. Но так надежно, без обмана светило солнце, и текла
река, и трапеза
наша была настоящей трапезой, и матросы пришли на зов, и
служанка подавала
нам так весело, приветливо, словно возглавляла празднество,
которому не
будет конца. Ничто не нарушало наш покой, от хаоса и смятения
нас защищали
прочные устои цивилизации. Мы вкусили некоего блаженства,
казалось – все
мечты сбылись и не осталось желаний, которые можно бы поверять
друг другу.
Мы чувствовали себя чистыми, прямодушными, мудрыми и
снисходительными. Мы бы
не сумели объяснить, что за истина открывалась нам во всей
своей
очевидности. Но нами владела необычайная уверенность.
Уверенность почти
гордая.
Так сама Вселенная через нас являла свою добрую волю.
Уплотнялись
звездные туманности, отвердевали планеты, зарождались первые
амебы,
исполинский труд жизни вел от амебы к человеку – и все так
счастливо
сошлось, чтобы через нас завершиться этой удивительной
радостью. Право же,
это настоящая удача.
Так мы наслаждались – мы без слов понимали друг друга, и наш
пир
походил на священнодействие. Служанка, словно жрица, скользила
взад и
вперед, ее движения убаюкивали нас, мы чокались с матросами,
точно

исповедовали одну и ту же веру, хоть и не сумели бы ее назвать. Один из матросов был голландец. Другой – немец. Когда-то он бежал от нацизма, в Германии его преследовали за то, что он был коммунист, а может быть, троцкист, или католик, или еврей (уже не помню, какой ярлык стал поводом для травли). Но в тот час матроса не определял никакой ярлык. Важна была сущность. Тесто, из которого слеплен человек. Он был просто друг. И всех нас соединило дружеское согласие. Ты был в согласии с нами со всеми. И я тоже. И матросы, и служанка. О чем мы думали так согласно? О стакане перно? О смысле жизни? О том, какой славный выдался день? Мы бы и это не сумели высказать словами. Но согласие наше было столь полным, столь прочным и глубоким, покоилось на законах столь очевидных в своей сути, хоть их и не вместить в слова, что мы готовы были бы обратить этот деревянный домишко в крепость, и выдержать в нем осаду, и умереть у пулемета, лишь бы спасти эту суть. Какую же суть?.. Вот это как раз и трудно объяснить! Боюсь, что я сумею уловить не главное, а только отблески. Нередко слова бессильны, и, пожалуй, истина ускользнет. Не знаю, поймут ли меня, скажу одно: мы бы охотно пошли в бой, лишь бы спасти нечто в улыбке матросов, и твоей, и моей, и в улыбке служанки, спасти чудо, сотворенное солнцем, которое неустанно трудилось миллионы лет – и победным завершением его трудов стала эта

наша совсем
особенная улыбка.
Самое важное чаще всего невесомо. Здесь как будто всего важней
была
улыбка. Часто улыбка и есть главное. Улыбкой благодарят.
Улыбкой
вознаграждают. Улыбкой дарят тебе жизнь. И есть улыбка, ради
которой пойдешь
на смерть. Эта особенная улыбка освобождала от гнетущей тоски
наших дней,
одежала уверенностью, надеждой и покоем, – вот почему, чтобы
верней выразить
мою мысль, я не могу не рассказать еще об одной улыбке.

IV

Это случилось в Испании, я там был корреспондентом в дни
гражданской
войны. Часа в три ночи я опрометчиво явился безо всякого
разрешения на
товарную станцию посмотреть, как грузят секретное оружие. В
полутьме, в
суете погрузки моя дерзость, пожалуй, осталась бы
незамеченной. Но я вызвал
подозрения у ополченцев-анархистов.
Все вышло очень просто. Я и не слышал, как они, мягко,
бесшумно ступая,
окружили меня и вот уже обступили вплотную, будто сжалась
осторожная рука.
Дуло карабина легонько уперлось мне в живот, и молчание
показалось мне
торжественным. Наконец я догадался поднять руки.
Я заметил, что они пристально смотрят не в лицо мне, а на мой
галстук
(мода анархистского предместья не одобряла подобных
украшений). И невольно
съежился. Я ждал выстрела – в те времена суд был скорый. Но

выстрела не
последовало. Несколько мгновений совершенной пустоты, все
замерло, только
грузчики двигались словно в каком-то неправдоподобном танце,
где-то в ином
мире... а затем мне кивком велели идти вперед, и мы не спеша
зашагали через
рельсы сортировочной станции. Меня захватили в полном
безмолвии, без единого
лишнего движения. Так действуют обитатели морских глубин.
Вскоре я очутился в подвале, где размещался теперь сторожевой
пост. При
чахлом свете убогой керосиновой лампы сидели еще ополченцы и
дремали, зажав
между колен карабины. Они равнодушно, вполголоса перекинулись
несколькими
словами с моими провожатыми. Один из них меня обыскал.
Я говорю по-испански, но каталанского не знаю. Все же я понял,
что у
меня спрашивают документы. А я забыл их в гостинице. Я
ответил:
«Гостиница... Журналист...» – но совсем не был уверен, что меня
понимают. Из
рук в руки переходила улика – мой фотоаппарат. Кое-кто из
ополченцев,
которые прежде зевали, устало обмякнув на колченогих стульях,
теперь
скушливо поднялись и прислонились к стене.
Да, всего отчетливей здесь ощущалась скука. Скука и
сонливость. У этих
людей словно уже не осталось сил хоть к чему-то отнестись со
вниманием.
Пусть бы уж они смотрели враждебно, все же и это – подобие
человеческих
отношений. Но меня не достаивали ни малейшим знаком гнева или
хотя бы
неодобрения. Несколько раз я по-испански пытался протестовать.

Все протесты
канули в пустоту. Слова мои не вызвали никакого отклика, на
меня смотрели
как на рыбку за стеклом аквариума.
Они ждали. Чего они ждали? Возвращения кого-то из своих?
Рассвета? Я
говорил себе: «Может быть, они ждут, когда захочется есть...»
И еще я говорил себе: «Экая будет глупость! Это же просто
нелепо!..»
Куда сильнее тревоги было во мне другое чувство – отвращение к
этой
бессмыслице. Я говорил себе: «Сейчас они очнутся, захотят
действовать, и
меня пристрелят!»
Грозил ли мне и вправду опасность? Вправду ли они все еще не
понимали,
что я не диверсант и не шпион, а журналист? Что документы мои
остались в
гостинице? Решили они уже, как со мной поступить? Что они
решили? Я знал о
них только одно: они ставят к стенке без особых угрызений
совести.
Застрельщики любых переворотов, к какой бы они партии ни
принадлежали,
преследуют не людей (человек сам по себе в их глазах равно
ничего не значит)
– они ищут симптомы. Истина, несогласная с их собственной,
представляется им
заразной болезнью. Заметив подозрительный симптом, носителя
заразы
отправляют в карантин. На кладбище. Оттого таким зловещим
казался мне этот
допрос – опять и опять мне бросали односложные непонятные
слова, и я не
знал, о чем они. Шла игра вслепую, и ставкой была моя шкура. И
еще от этого
мне неодолимо захотелось доказать им, что я живой, настоящий,

крикнуть
что-то о себе, подтвердить подлинность моей судьбы какой-то
весомой
приметой. Хотя бы – сколько мне лет. Возраст – это не шутка!
Он вмещает всю
твою жизнь. Зрелости достигаешь так медленно, постепенно. Пока
ее
достигнешь, придется одолеть столько преград, излечиться от
стольких
недугов, столько превозмочь горя, столько победить отчаяния,
стольких
опасностей избежать, – а львиную долю их ты даже и не
заметил. Зрелость
рождается из стольких желаний и надежд, из стольких сожалений,
забвения и
любви. Твой возраст – какой же это груз опыта и воспоминаний!
Наперекор всем
препонам, ухабам и рытвинам, худо ли, хорошо ли, с грехом
пополам движешься
вперед, словно надежный воз. И вот благодаря сцеплению многих
счастливых
случайностей ты чего-то достиг. Тебе уже тридцать семь. И даст
бог, надежный
воз повлечет груз воспоминаний еще дальше. Итак, я говорил
себе: «Вот к чему
я пришел. Мне тридцать семь лет». Мне хотелось обременить моих
судей столь
весомым признанием... но меня больше ни о чем не спрашивали.
И тогда свершилось чудо. То было чудо очень скромное. Я не
захватил с
собой сигарет. И когда один из моих стражей закурил, я, сам не
знаю отчего,
слегка улыбнулся и знаком попросил у него сигарету. Сперва он
потянулся,
медленно провел рукой по лбу, поднял глаза, посмотрел уже не
на мой галстук,
а мне в лицо – и, к моему немалому изумлению, тоже чуть

улыбнулся. Это было
как первый луч рассвета.
Чудо это не стало развязкой драмы, оно просто рассеяло ее –
так свет
рассеивает тьму. И драмы как не бывало. С виду ничто не
переменилось. Убогая
керосиновая лампа, бумаги, раскиданные на столе,
прислонившиеся к стене
люди, краски, запахи – все оставалось прежним. И однако, все
преобразилось в
самой своей сути. Эта улыбка дала мне свободу. Это был знак
столь же
несомненный, столь же ясно предвещал он череду событий и столь
же был
необратим, как восход солнца. Он открывал новую эру. Все
оставалось
по-старому – и все стало иным. Стол с беспорядочно
раскиданными бумагами
ожил. Ожила керосиновая лампа. Ожили стены. Будто некое
волшебство развеяло
скуку, которую источала в этом подземелье каждая мелочь.
Словно сызнова
потекла по жилам незримая кровь, связуя все здесь воедино и
всему возвращая
смысл.
И те, кто был в комнате, не шелохнулись, но еще мгновение
назад они мне
казались непостижимо далекими, словно допотопные чудища, – и
вот
возрождались к жизни близкой и понятной. С необыкновенной
остротой я ощутил:
все мы люди! Все мы живые! И я им сродни.
Юноша, который мне улыбнулся, только что был всего лишь
исполнителем,
орудием, частицей какого-то чудовищного муравейника – и вот,
оказывается, он
немного неловок, почти застенчив, и застенчивость эта полна

обаяния. Едва ли
этот террорист был менее груб, чем любой другой. Но в нем
проснулся человек
– и сразу стало ясно, что где-то в душе он беззащитно мягок!
Мы, люди, так
часто напускаем на себя неколебимую суровость, но втайне
каждый изведает и
колебания, и сомнения, и скорбь...
Ничего еще не было сказано. И однако, все было решено.
Анархист
протянул мне сигарету, а я благодарно положил руку ему на
плечо. И теперь,
когда лед был сломан, другие ополченцы тоже снова стали
людьми, и я вступил
в круг их улыбок, точно в раскрывшуюся передо мной привольную
страну.
Я погружался в их улыбки, как когда-то – в улыбки наших
спасителей в
Сахаре. Товарищи искали нас несколько дней и наконец отыскали,
приземлились
как можно ближе, и шли к нам широким шагом, и размахивали
руками, чтобы мы
издалека увидели: они несут нам бурдюки с водой. Улыбка
спасителей, когда я
терпел аварию, улыбка потерпевших аварию, которых спасал я,
тоже
вспоминается мне словно родина, где я был безмерно счастлив.
Подлинная
радость – это радость разделенная. И, спасая людей, находишь
эту радость.
Вода обретает чудодейственную силу, лишь когда она – дар
сердца.
Заботы, которыми окружают больного, убежище, дарованное
изгнаннику,
даже прощение вины только тогда и прекрасны, когда праздник
этот озаряет
улыбка. Улыбка соединяет нас наперекор различиям языков, каст

и партий. У

меня свои обычаи, у другого – свои, но мы исповедуем одну и ту же веру.

V

И разве эта совсем особенная радость – не самый драгоценный плод нашей

культуры? Материальные наши нужды могла бы удовлетворить и тоталитарная

тирания. Но мы не скот, который надо откармливать. Нас не насытишь

благополучием и комфортом. Воспитанные в духе уважения к человеку, мы

превыше всего ценим простые встречи, что превращаются порой в чудесные

празднества...

Уважение к человеку! Уважение к человеку!.. Вот он, пробный камень!

Нацист уважает лишь себе подобных, а значит, он уважает только самого себя.

Он отвергает противоречия – основу созидания, а стало быть, разрушает всякую

надежду на движение к совершенству и взамен человека на тысячу лет

утверждает муравейник роботов. Порядок ради порядка оскопляет человека,

отнимает у него важнейший дар – преобразать и мир, и самого себя. Порядок

создается жизнью, но сам он жизни не создает.

А нам, напротив, кажется, что движение наше к совершенству еще не

закончено, что завтрашняя истина питается вчерашними ошибками и преодоление

противоречий – единственно плодородная почва, на которой возможен наш рост.

Мы признаем своими и тех, кто с нами несхож. Но какое это

своеобразное

родство! Его основа – не прошлое, но будущее. Не происхождение, но цель.

Друг для друга мы – паломники и долгими, разными и трудными путями стремимся к месту встречи.

Но вот сегодня уважение к человеку – условие, без которого нет для нас

движения вперед, – оказалось в опасности. Катастрофы, сотрясающие ныне мир,

погрузили нас во тьму. Перед нами запутанные задачи, и решения их

противоречивы. Истина вчерашняя мертва, истину завтрашнего дня надо еще

создать. Единого решения, приемлемого для всех, пока не видно, в руках у

каждого из нас лишь малая толика истины. Политические верования, которым

недостает явной для всех правоты, чтобы утвердиться, прибегают к насилию.

Так мы расходимся в выборе средств – и рискуем забыть, что стремимся мы к

одной и той же цели.

Если путник, взбираясь в гору, слишком занят каждым шагом и забывает

сверяться с путеводной звездой, он рискует ее потерять и сбиться с пути.

Если он просто переставляет ноги, лишь бы не застыть на месте, он никуда не

придет. Прислужница в храме, чересчур озабоченная сбором платы за стулья,

рискует позабыть, что она служит Богу. Так и я, увлекшись политическими

разногласиями, рискую забыть, что политика лишь тогда имеет смысл, когда она

помогает раскрыть духовную сущность человека. В счастливые наши часы мы

извели чудо подлинно человеческих отношений – и в них наша истина.

Какими бы насущно необходимыми ни казались нам наши действия, мы не

вправе забывать, во имя чего действуем, иначе действия наши останутся

бесплодными. Мы хотим утвердить уважение к человеку. Мы в одном стане –

зачем же нам ненавидеть друг друга? Никто из нас не вправе себе одному

приписать чистоту помыслов. Во имя пути, который я избрал, я могу отвергнуть

путь, избранный другим. Я могу оспаривать ход его мысли. Ход мысли не всегда

верен. Но если человек стремится к той же звезде, мой долг – его уважать,

ибо мы братья по Духу.

Уважение к Человеку! Уважение к Человеку!.. Если в сердцах людей

заложено уважение к человеку, люди в конце концов создадут такой

общественный, политический или экономический строй, который вознесет это

уважение выше всего. Основа всякой культуры прежде всего – в самом

человеке. Прежде всего это присущая человеку слепая, неодолимая жажда тепла.

А затем, ошибаясь снова и снова, человек находит дорогу к огню.

VI

Вот потому-то, друг мой, мне так нужна твоя дружба. Мне, как глоток

воды, необходим товарищ, который, поднимаясь над спорами, рожденными

рассудком, уважает во мне паломника, идущего к этому огню. Мне

так нужно
хоть изредка заранее вкусить обетованного тепла, немного
подняться над собой
и отдохнуть на высотах, где мы непременно встретимся.
Я так устал от словесных распрей, от нетерпимости, от
фанатизма! К тебе
я могу прийти, не облачаясь в какой-
либо мундир, не подчиняясь заповедям какого бы то ни было
корана, ни в
какой малости не отрекаясь от моей внутренней родины. Перед
тобой мне нет
нужды оправдываться, защищаться, что-то доказывать; с тобой я
обретаю
душевный мир, как тогда в Турню. За моими неуклюжими словами,
за
рассуждениями, в которых я могу и запутаться, ты видишь во мне
просто
Человека. Ты чтишь во мне посланца тех верований, привычек и
пристрастий,
которых, может быть, и не разделяешь. Если я чем-то на тебя не
похож, я этим
вовсе не оскорбляю тебя, а, напротив, одаряю. Ты
расспрашиваешь меня, словно
путешественника.
Как всякий человек, я жажду, чтобы меня поняли, в тебе я
чувствую себя
чистым – и я иду к тебе. Меня влечет туда, где я чист. Ты
узнал меня таким,
какой я есть, вовсе не по моим рассуждениям и поступкам. Нет,
ты принимаешь
меня таким, какой я есть, и потому, если надо, примиришься и с
моими
рассуждениями, и с поступками. Спасибо тебе за то, что ты
принимаешь меня
вот таким, какой я есть. Зачем мне друг, который меня судит?
Если меня
навестил друг и если он хромот, я сажаю его за стол, а не

требую, чтобы он
пустился в пляс.
Друг мой, ты нужен мне, как горная вершина, где вольно
дышится! Мне
нужно еще раз сесть с тобою рядом на щелястой деревянной
веранде скромной
гостиницы на берегу Соны, и позвать к нашему столу двух
матросов, и
чокнуться с ними в мирном свете улыбки, подобной восходу
солнца.
Если я еще смогу вернуться в строй, я буду сражаться и за
тебя. Ты мне
нужен, чтобы тверже верилось: он еще настанет, час той улыбки.
Мне нужно
помогать тебе жить. Я вижу тебя – ты так слаб, тебе грозит
столько
опасностей, нелегко тебе в пятьдесят лет, дрожа от холода в
изношенном
пальтишке, долгие часы стоять в очереди у какой-нибудь убогой
лавчонки,
чтобы кое-как протянуть еще день. Ты француз до мозга костей,
и я знаю,
смерть грозит тебе вдвойне: за то, что ты француз, и за то,
что ты еврей. Я
знаю цену общности, которая отвергает распри. Все мы –
Франция, мы ветви
одного дерева, и я буду служить твоей истине, как ты служил бы
моей. Мы,
французы, которые оказались вне Франции, призваны в этой войне
освободить
из-под ледяной толщи посева, стынувшие под гнетом немецкого
нашествия. Мы
призваны помочь вам, оставшимся во Франции. Призваны
возвратить вам свободу
на французской земле, ибо здесь ваши корни, и ваше
неотъемлемое право –
здесь оставаться. Вас сорок миллионов, и все вы – заложники.

Новые истины

всегда вызревают под гнетом во мраке подземелий: там, во Франции, в сознании

сорока миллионов заложников рождается сейчас новая истина. И мы заранее

покоряемся этой истине.

Ибо вы укажете нам путь. Не нам нести духовное пламя тем, кто, словно

воск свечи, уже питает это пламя всем своим существом. Быть может, вы не

станете читать наши книги. Быть может, не станете слушать наши речи. Быть

может, отвергнете наши мысли. Сейчас не мы создаем Францию. Мы только можем

ей служить. Что бы мы ни делали, мы не вправе ждать благодарности. Не

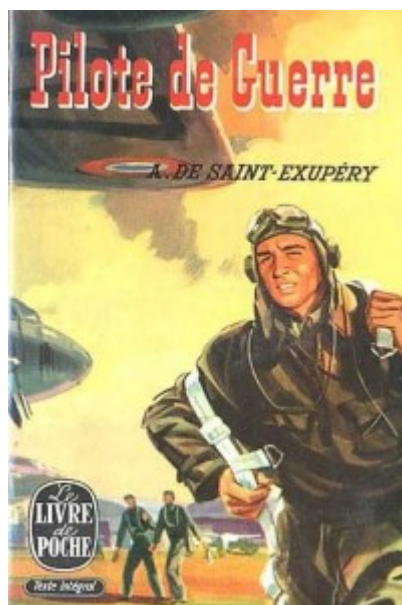
измерить одной мерой свободу битвы и гнет во тьме порабощения. Не измерить

одной мерой ремесло солдата и ремесло заложника. Вы – святые.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Антуан де Сент-Экзюпери.
Военный лётчик

В «Военном летчике», когда-то запрещенном во Франции, но имевшем колоссальный успех в других странах мира, вызывавшем восторженные отзывы и яростные нападки, Экзюпери приглашает в очередной полет – непредсказуемый, смертельно опасный полет во тьме ночи, под сильнейшим огненным дождем – но вместе с тем захватывающий, благотворный и незабываемый.

Цитаты Экзюпери из книги Военный лётчик:

- Человек – всего лишь узел отношений. И только отношения важны для человека. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Разум обретает ценность лишь тогда, когда он служит любви. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Только дух оплодотворяет разум. Дух бросает в него семя грядущего творения. Разум завершит всё остальное. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Искушение – это соблазн уступить доводам Разума, когда спит Дух. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Жить – значит медленно рождаться. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Озарение означает лишь то, что Духу внезапно открылся медленно подготавливавшийся путь. (Пер. с фр. А.

Тетеревниковой)

- Война – не настоящий подвиг, война – это суррогат подвига. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Жертва теряет всякое величие, если она становится лишь пародией на жертву или самоубийством. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Беспредельность нельзя найти. Она создается в нас самих. А бегство никого никуда не приводило. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Мне всегда была ненавистна роль наблюдателя. Что же я такое, если я не принимаю участия? Чтобы быть, я должен участвовать. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Любовь – о ней не спорят. Она есть. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Жизнь Духа иногда прерывается. Только жизнь Разума непрерывна или почти непрерывна. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Смерть – это нечто огромное. Это новая цепь связей с мыслями, вещами, привычками умершего. Это новый миропорядок. С виду как будто ничего не изменилось, на самом же деле изменилось всё. Страницы в книге те же, но смысл её стал иным. Чтобы почувствовать смерть, мы должны представить себе те часы, когда нам нужен покойный. Именно тогда нам его и недостаёт. Представить себе часы, когда он мог бы нуждаться в нас. Но он в нас больше не нуждается. Представить себе час дружеского посещения. И почувствовать его пустоту. Мы привыкли видеть жизнь в перспективе. Но в день похорон нет ни перспективы, ни пространства. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Только выполнение своего долга позволяет человеку стать

чем-то. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)

- Прекрасно дерево, уходящее своими корнями глубоко в почву. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Страх возникает, когда теряешь уверенность в том, что ты – это ты. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Ребёнок не приходит в ужас от того, что терпеливо готовит в себе старика. Он – ребёнок, и он играет в свои детские игры. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Основа нашего единства – Человек, который выше каждого из нас. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Нужно, чтобы то, ради чего умираешь, стоило самой смерти. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Прежде чем получить, надо отдать, и прежде чем поселиться в доме, надо его построить. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Умирают только за то, ради чего стоит жить. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Умирают за дом, но не за вещи и стены. Умирают за собор – не за камни Умирают за народ – не за толпу. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Братьями можно быть только в чём-то и нельзя быть братьями вообще. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Только благодаря ветру свободен парусник в открытом море. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Легко основать порядок в обществе, подчинив каждого его члена незыблемым правилам. Легко воспитать слепца, который, не протестуя подчинялся бы поводырю или Корану. Насколько же труднее освободить человека, научив его властвовать над собой. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)

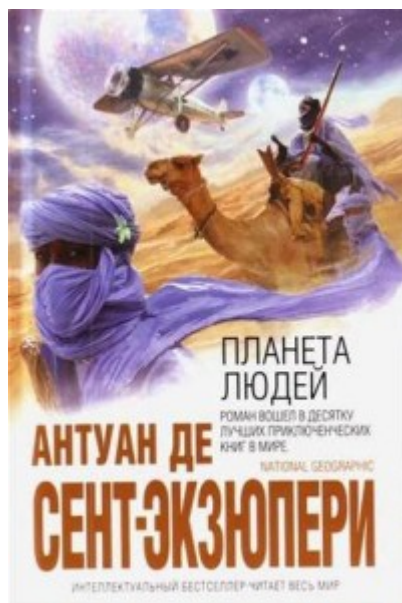
- Что значит освободить? если в пустыне я освобожу человека, который никуда не стремится, чего будет стоить его свобода?. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Демагогия возникает тогда, когда, за отсутствием общей меры, принцип равенства вырождается в принцип тождества. (Пер. с фр. А. Тетеревниковой)
- Но если я готов дать лишь самому себе, я ничего не получаю, потому что я не создаю ничего такого, от чего я не отделим, а значит, я – ничто.
- Долг врача состоял в том, чтобы, рискуя жизнью, лечить зачумленного, кем бы он ни был. Врач служил Богу.
- Раз я не отделим от своих, я никогда от них не отрекусь, что бы они не совершили.
- Жизнь проявляется не в состояниях, а в действиях.
- Детство, этот огромный край, откуда приходит каждый! Откуда я родом? Я родом из моего детства, словно из какой-то страны...
- Жить тоже нелегко.
- Мы живём в слепом чреве администрации.
- Война это не подвиг. Война – болезнь.

Скачать произведение Антуан де Сент-Экзюпери Военный лётчик:
[Антуан де Сент-Экзюпери. Военный лётчик](#)

 Загрузка...

Антуан де Сент-Экзюпери. Планета людей (Земля людей)

Вселенная Антуана де Сент-Экзюпери огромна и необычайно гостеприимна. Не случайно миллионы читателей, поколение за поколением, совершают все новые полеты по ее бесконечным пространствам. В ней среди звезд, небесных пейзажей, ветра, гор и песков «летающий пророк двадцатого столетия» открывает пути к свободе и счастью. «Планета людей» – одно из ярчайших светил вселенной Экзюпери. Отмеченное престижными литературными премиями, завоевавшее любовь читателей во всем мире, это произведение явилось подготовительным этапом создания самой яркой его звезды – «Маленького принца».

Цитаты из произведения Экзюпери Планета людей:

- Земля помогает нам понять самих себя.
- Ты построил свой тихий мирок, замуровал наглухо все выходы к свету, как делают термиты. Ты свернулся клубком, укрылся в своем обывательском благополучии, в косных привычках, в затхлом провинциальном укладе, ты воздвиг этот убогий оплот и спрятался от ветра, от морского прибоя и звезд. Ты не желаешь утруждать себя

великими задачами, тебе и так немало труда стоило забыть, что ты – человек. Нет, ты не житель планеты, несущейся в пространстве, ты не задаешься вопросами, на которые нет ответа: ты просто-напросто обыватель города Тулузы. Никто вовремя не схватил тебя и не удержал, а теперь уже слишком поздно. Глина, из которой ты слеплен, высохла и затвердела, и уже ничто на свете не сумеет пробудить в тебе уснувшего музыканта, или поэта, или астронома, который, быть может, жил в тебе когда-то.

- Мы дышим полной грудью лишь тогда, когда связаны с нашими братьями и есть у нас общая цель; и мы знаем по опыту: любить – это не значит смотреть друг на друга, любить – значит вместе смотреть в одном направлении.
- Быть человеком – это и значит чувствовать, что ты за все в ответе.
- Как видно, совершенство достигается не тогда, когда уже нечего прибавить, но когда уже ничего нельзя отнять.
- Вода! У тебя нет ни вкуса, ни цвета, ни запаха, тебя не опишешь, тобой наслаждаешься, не понимая, что ты такое. Ты не просто необходима для жизни, ты и есть жизнь. С тобой во всем существе разливается блаженство, которое не объяснить только нашими пятью чувствами. Ты возвращаешь нам силы и свойства, на которых мы уже поставили было крест. Твоим милосердием снова отворяются иссякшие родники сердца.
- Величие всякого ремесла, быть может, прежде всего в том и состоит, что оно объединяет людей: ибо ничего нет в мире драгоценнее уз, соединяющих человека с человеком.
- Есть только одна подлинная ценность – это связь человека с человеком.
- Земля помогает нам понять самих себя, как не помогут никакие книги. Ибо земля нам сопротивляется. (Часть первая, Линия)
- ...тебе и так немало труда стоило забыть, что ты – человек. (Часть первая, Линия)
- Нет, никто не заменит погибшего товарища. Старых друзей наскоро не создашь. (Часть вторая, Товарищи)

- Так устроена жизнь. Сперва мы становимся богаче, ведь много лет мы сажали деревья, но потом настают годы, когда время обращает в прах наши труды и вырубает лес. Один за другим уходят друзья, лишая нас прибежища. И, скорбя об ушедших, втайне еще и грустишь о том, что сам стареешь. (Часть вторая, Товарищи)
- Работая только ради материальных благ, мы сами себе строим тюрьму. (Часть вторая, Товарищи)
- В нашем мире всё живое тяготеет к себе подобному, даже цветы, клонясь под ветром, смешиваются с другими цветами, лебедю знакомы все лебеди – и только люди замыкаются в одиночестве. (Часть четвертая, Самолет и планета)
- Если болван прочтет стихи, его принимают за поэта. Верят, что ему по душе ветхий дырявый паркет, верят, что он любит мангуст. Верят, что ему лестно доверие гадюки, прогуливающейся под столом у него по ногам. Отдают ему своё сердце – дикий сад, а ему по вкусу только подстриженные газоны. И болван уводит принцессу в рабство. (Часть пятая, Оазис)
- Он был свободен, да – слишком свободен, слишком легко он ходил по земле. Ему не хватало груза человеческих отношений, от которого тяжелеет поступь, не хватало слёз, прощаний, упрёков, радостей – всего, что человек лелеет... (Часть шестая, В пустыне)
- Словно легкокрылый архангел, которому, чтобы жить среди людей, пришлось бы сплутовать – зашить в пояс кусок свинца.. (Часть шестая, В пустыне)
- – Дурень, ты его просто выдумал, ты и сам это знаешь. – Тогда всё на свете обман.. (Часть седьмая, В сердце пустыни)
- Ты живешь в своих поступках, а не в теле. Ты – это твои действия, и нет другого тебя.
- Черт побери, обитаемая эта планета или нет? (Часть седьмая, В сердце пустыни)
- А здравый смысл? Его дело – объяснять жизнь, пусть выкручивается как угодно. (Часть Восьмая, Люди)

- Тоска – это когда жаждешь чего-то, сам не знаешь чего...(Часть Восьмая, Люди)
- Земля сама знает, какое ей нужно зерно.(Часть Восьмая, Люди)
- Истина человека – то, что делает его человеком.(Часть Восьмая, Люди)
- Истина <...> это то, что делает мир проще, а отнюдь не то, что обращает его в хаос.(Часть Восьмая, Люди)
- Истина – не то, что доказуемо, истина – это простота.(Часть Восьмая, Люди)
- Логически можно доказать всё, что угодно. (Часть Восьмая, Люди)
- Каторга там, где удары кирки лишены смысла, где труд не соединяет человека с человеком. (Часть Восьмая, Люди)
- Врач, осматривая больного, не слушает стонов: врачу важно исцелить человека. Врач служит законам всеобщего. (Часть Восьмая, Люди)
- Когда мы осмыслим свою роль на земле, пусть самую скромную и незаметную, тогда лишь мы будем счастливы. Тогда лишь мы сможем жить и умирать спокойно, ибо то, что дает смысл жизни, дает и смысл смерти. (Часть Восьмая, Люди)
- Слишком много в мире людей, которым никто не помог пробудиться. (Часть Восьмая, Люди)
- Нельзя сидеть на месте – вдруг где-то рядом оазис? (Часть седьмая, В сердце пустыни)
- Ждал, что жизнь подаст мне знак,- и не дождался. (Часть седьмая, В сердце пустыни)

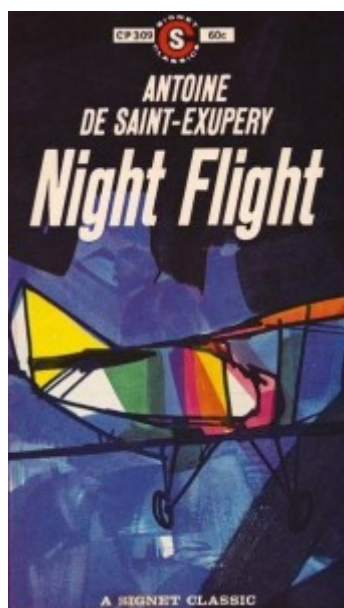
Скачать произведение Антуана де Сент-Экзюпери. Планета людей (Земля людей):

[Антуан де Сент-Экзюпери. Планета людей \(Земля людей\)](#)

 Загрузка...

Антуан де Сент-Экзюпери. Ночной полёт

Это рассказ об одном из путешествий, которые каждую ночь совершают летчики Аэропосталь, пролетая над равнинами Южной Америки и Андами. Пилот Фабьен погибает в циклоне. Книга рассказывает нам о полете и о размышлениях Ривьера (он и есть Начальник), об опасностях, на которые он посылает подчиненных.

Цитаты Экзюпери из романа Ночной полёт:

- Жизнь в крохотном городке – словно любовь – умеряет порывы.
- В ночи раскрывается перед ним человек: его призывы, огни, тревоги. Та простая звездочка во мраке – это дом, и в нем – одиночество. А та, что погасла, – это дом, приютивший любовь... Или тоску. Дом, который не шлет больше сигналов всему остальному миру.
- Инспектор создан не для любовных утех, а для составления рапортов.
- Он вообще не думает и это лишает его возможности думать

неверно.

- Правила похожи на религиозные обряды: они кажутся нелепыми, но они формируют людей.
- Жизнь, которая приносит и страдания и радости, это и есть настоящая жизнь.
- Под натиском тонких лиан рушатся гигантские храмы.
- Законы выводятся на основании опыта. Познание законов никогда не предшествует опыту.
- Хотя человеческая жизнь и дороже всего, но мы всегда поступаем так, словно в мире существует нечто еще более ценное, чем человеческая жизнь...
- В жизни нет готовых решений. В жизни есть силы, которые движутся. Нужно их создавать. Тогда придут и решения.
- Победа ослабляет народ; поражение пробуждает в нем новые силы.

Скачать роман Антуана де Сент-Экзюпери Ночной полёт:

[Антуан де Сент-Экзюпери. Ночной полёт](#)

Загрузка...

**Антуан де Сент-Экзюпери.
Южный почтовый (Почта – на юг)**

1927-1929 годы Сент-Экзюпери провел в Африке, работая начальником промежуточного аэродрома Кап-Джуби на южной границе Марокко (этот аэродром описан в «Южном почтовом»); там он и закончил свою первую книгу, начатую еще несколькими годами раньше. Впервые она была издана в 1929 году.

Первая повесть Сент-Экзюпери во многом еще несовершенна. В частности, неорганичной для творчества этого писателя оказалась любовная линия ее сюжета; вообще, сюжетное построение книги скорее препятствует свободному выражению идей и проблем, волновавших ее автора. Тем не менее здесь уже звучат многие важные содержательные мотивы – мотив человеческих связей, соединяющих рассказчика с его другом Жаком Бернисом, мысль о порядке, который человек вносит в мир своей деятельностью. Напряженная (порой еще недостаточно ясная) стилистика повести предвещает стиль зрелой философской прозы Сент-Экзюпери.

Скачать книгу Антуан де Сент-Экзюпери. Южный почтовый (Почта – на юг):

[Антуан де Сент-Экзюпери. Южный почтовый \(Почта – на юг\)](#)

Загрузка...